

Сальса, Веретено и ноль по Гринвичу

Автор:

[Ширин Шафиева](#)

Сальса, Веретено и ноль по Гринвичу

Ширин Шафиева

У каждой катастрофы бывают предвестники, будь то странное поведение птиц и зверей, или внезапный отлив, или небо, приобретшее не свойственный ему цвет. Но лишь тот, кто живет в ожидании катастрофы, способен разглядеть эти знаки.

Бану смогла.

Ведь именно ее любовь стала отправной точкой приближающегося конца света.

Все началось в конце июля. Увлеченная рассказом подруги о невероятных вечеринках Бану записывается в школу сальсы и... влюбляется в своего Учителя.

Каждое его движение – лишний удар сердца, каждое его слово дрожью отзывается внутри. Это похоже на проклятие, на дурной сон. Но почему никто, кроме нее, этого не видит? Не видит и того, что море обмелело, а над городом повисла огромная Луна, красная, как сицилийский апельсин.

Что-то страшное уводит Бану в темноту, овладевает ее душой, заставляет любить и умирать. И она уже готова поддаться, готова навсегда раствориться в последнем танце. Танце на костях.

Ширин Шафиева

Сальса, Веретено и ноль по Гринвичу

Часть первая

Сальса и Веретено

А вы подхватывайте: «Скок в яму, скок со дна, не сдомай веретена. Крутись, крутись, прялица, пока не развалится. Это вор-ключник, увезший хозяйскую дочь».

У. Шекспир, «Гамлет»

Всё началось в конце июля, когда на Апшероне стоит такая жара, что плавится асфальт, а море становится тёплым и липким, как кровь. Лейла, Бану и Мансура сидели на даче и ели арбуз с овечьим сыром. Бану никогда не понимала, как можно сладкое заедать солёным, ужас какой, поэтому она ела только арбуз и старалась не смотреть на сыр. Сквозь окна большого полукруглого ризалита кухни, где они расположились, были видны песчаный участок, заросший сорняками, с несколькими саженцами у дальней стены забора и двумя вполне взрослыми инжировыми деревьями, недостроенный дом, а за ним – голое, залитое солнцем кладбище. Горячий влажный ветер с той стороны нёс едва уловимый, но жуткий запах мертвечины. Впрочем, аромат мог исходить и от мусорной свалки, устроенной рядом с кладбищем. Девушки закрыли бы окна, но в этом случае они рисковали спечься заживо. Снаружи возле окон болтались двое рабочих, которым полагалось облицовывать дом жёлтым, как масло, известняком. Вместо этого один из них таращился на девушек, которые надели яркие шорты, второй же с безучастным видом курил, бросая окурки в яму, вырытую два года назад под бассейн. В яме поселился ёж.

Мансура, учившаяся в Лондоне, рассказывала подругам о вечеринках сальсы:

– Англичан там почти нет, зато иностранцев полно. Больше чёрных, конечно. Вообще это ужасно весело.

Измученный скукой и настойчивым летним зноем мозг Бану уцепился за слово «весело». Она находилась в том подвешенном состоянии, которое обычно сопровождает молодых людей, только что получивших высшее образование и размышляющих, а правильно ли вообще они выбрали специальность. Её снедала тоска по новым впечатлениям.

– Что за сальса? – спросила Бану, выплёвывая арбузные семена на тарелку. – Она сложная?

– Да нет, ерунда. – Мансура состроила пренебрежительную гримаску и встала, чтобы показать основные шаги: – Раз, два, три – пять, шесть, семь. – Она легко перебирала крепкими ногами в такт счёту, гипнотизируя рабочего, который даже рот разинул. Бану показалось, что она слышит легкомысленный ритм, почти примиривший её с припекающим солнцем, и этот ритм нахально запульсировал у неё в крови. Она потянулась; ей захотелось танцевать.

– У нас будет полно свободного времени в этом году, – сказала Лейла. – Давай пойдём на сальсу?

– Давай, – согласилась Бану и пошла мыть липкие от арбузного сока лицо и руки.

Снаружи раздался вопль: рабочий, который курил, случайно соскользнул в яму для бассейна.

Маятник Рока, стоявший до сих пор неподвижно, вздрогнул и закачался.

На крыше пятнадцатипятиэтажного здания гостиницы, что победоносно возвышалось над окружающей его старой застройкой, устроили кафе. Здесь всё стоило очень дорого, кухня была дрянная, а персонал – наглый, но место считалось престижным и поэтому процветало, особенно в жаркий сезон. Под пыльными жёлтыми зонтиками расположились люди – по двое или по трое, но разговоров было мало, потому что большинство посетителей сидело, уткнувшись в свои телефоны. Экраны отражали алое пятно заходящего солнца, нагонявшего тоску и лень. Никто даже не бросал косых взглядов на одинокую девушку, заказавшую коктейль «Пина Колада» («Только сделайте покрепче, можно?»). Когда официант принёс расфуфыренный, похожий на откровенно ядовитый гриб коктейль, девушка, немного поразмыслив, решила всё же сфотографировать

его. Наложив на фотографию модный фильтр, девушка выставила её в Instagram и отметила место: кафе Parfenon, а потом, недолго поколебавшись, приписала: «Мой последний коктейль, ням-ням:(((»». Затем она выпила его, не почувствовав вкуса пересошим языком, попросила счёт, оставила деньги и, подойдя к ограждению крыши, переметнулась через него. Горячий встречный поток воздуха опалил лицо. Полёт был недолгим, но у самой земли девушка вдруг вспомнила, что забыла оставить смазливому официанту чаевые. Однако возвращаться было уже поздно.

В это же самое время на пляже компания из ста человек всю развлекалась под горячие латинские ритмы, словно недостаточно было им сорокапятиградусного зноя (лето выдалось аномально жарким даже для этой местности). Здесь тряслись в такт музыке совсем юные девушки и взрослые дамочки в бикини, стройные и не очень, с телами упругими и рыхлыми, белокожие и смуглые, и мужчины, молодые и не совсем, демонстрировавшие все формы волосатости – у одних густая шерсть покрывала спину, плечи и шею, других лишь в стратегических местах украшал пикантный пушок. Впрочем, самое гладкое и ухоженное тело в этом сборище предпочло упаковаться в белоснежную майку с американской проймой и бриджи.

Это был немолодой уже, но отчаянно молодящийся загорелый мужчина с веретенообразной фигурой и шеей длинной, как у гуся. Он скакал с микрофоном по шаткому дощатому настилу, возвышаясь над толпой и заводя её кривлянием и шуточками, понятными только посвящённым. Толпа воздевала к нему руки, словно он был некий мессия. Позади главаря трудился, истекая потом, диджей. Под ногами у собравшихся вертелся фотограф-доброволец.

Многие посетители пляжа – в основном женщины – не сводили с танцоров глаз и спрашивали друг у друга: «Что это за весёлая компания?» И пляшущие среди обгрызенных початков кукурузы и пластиковых бутылок люди им охотно отвечали: «Мы – клуб сальсы, а это – наш Учитель». Кое-кто из загорающих полез в телефон, чтобы «лайкнуть» страничку клуба в Facebook. Мало ли что.

Когда главный танцор, не переставая нести в микрофон околесицу, спустился со сцены к своим питомцам, одна из них – зрелая, расплывающаяся в разные стороны женщина с большими зовущими глазами – незаметно и нежно скользнула рукой по его упитанному задку. Мужчина не обернулся, но его огромный фиолетовый рот изогнулся в самодовольной улыбке.

Море выплюнуло на берег маленького мёртвого тюленя, и его раздувшаяся тушка, окутанная водорослями, долго ещё перекатывалась в волнах, привлекая нездоровое внимание детей.

Похороны проходили невесело. Причина этого, как предполагала Фатма, тётя покойной, крылась в том, что в них принимали участие совсем молодые люди, студенты младшего курса, почти дети. Для некоторых это были первые похороны. Они ещё не успели приобрести светских привычек, необходимых каждому, кто любит развлекаться на похоронах, поминках и на сорока днях. (О, сорок дней – один из любимых праздников! На него никогда не зовут кого попало, быть приглашённым туда – великая честь, а уж какой плов там подают – прямо язык проглотишь!) Фатма была настоящей мастерицей в подобного рода мероприятиях. И сейчас она сновала по квартире, отыскивая своих многочисленных знакомых среди людей, пришедших помянуть, посмотреть и, чего уж греха таить, обсудить вволю. А обсудить было что. Шутка ли – покойница девятнадцати лет прыгнула с небоскрёба, упившись спиртным! Она даже не оставила никакой записки, кроме этих дурацких статусов в этих непонятных социальных сетях. Фатма слушала разговоры и ощущала некоторое презрение к говорившим. Сама она была не стара – ей недавно стукнуло тридцать пять, – и интернет не казался Фатме источником греха и разврата. Профессиональное чутьё подсказывало ей, что в этой трагической истории дело не обошлось без какого-нибудь парня, черноокого, темноволосого. Ну так в Баку все примерно такие, а остальное было скрыто от Фатмы словно туманом. К тому же при каждой попытке подумать об этом черноглазом незнакомце у неё начинала болеть голова, и ей вдруг – впервые за все годы, богатые опытом посещения похорон, – захотелось домой.

Нет, Фатма не была чёрствой или бессердечной, свою племянницу она любила, и ей было искренне жаль её родителей, у которых лица от горя застыли, словно посмертные маски. Но в ничего не подозревающей Фатме таился великолепный философ, поэтому, когда сестра позвонила ей и нечеловеческим голосом проревела новость в трубку, в один момент она нашла тысячи причин, по которым ей не следовало предаваться скорби чересчур активно.

– Я узнаю, почему она сделала это, – раздался вдруг позади неё шёпот. А потом повторился, громче: – Я узнаю, почему она это сделала! – И снова, почти криком, так что все обернулись и зашикали с неподдельным возмущением: – Я узнаю

правду!!!

То сдали нервы у сокурсника погибшей Афсаны, тощего и невысокого юноши, он волочился за ней при жизни, докучая и вызывая раздражение, и, судя по всему, не собирался оставить её в покое даже после смерти. Фатма покачала головой, уронив на выскобленный пол пару-тройку длинных чёрных волос. Она знала, что такое рвение никогда ещё не приводило к положительным результатам. В лучшем случае мальчишка останется с разбитым невыполненной клятвой сердцем.

Фатма разносила гюлаб – розовую воду для омовения рук и лица, ибо в свои тридцать пять она была девушкой, нет, не старой девой, а убеждённой девственницей – это ведь не одно и то же. Женщины растирали воду ладонями, проводили ими по лицу, и в воздухе разливался нагой, чувственный аромат роз, призванный прогнать излишнюю тоску, а Фатма вдруг подумала: до чего же он неуместен на похоронах. И тут же поняла, почему всё идёт сегодня не так, как надо. Причиной было не отсутствие обычной оживлённой болтовни, какая бывает, когда потеря общего знакомого собирает давно не видевавшихся людей («Ой, как ты похудела, машаллах, тьфу-тьфу, не сглазить!»). И не жидковатый чай, и не твёрдые комки, затесавшиеся в халве, заставляли людей, даже самых бывалых, смущённо переминаясь с ноги на ногу и произносить нелепости. Странное любовное томление повисло над белой палаткой, разбитой поперёк улицы и перекрывшей движение транспорта, любовное томление дышало в углах квартиры, из которой вынесли тело, дрожало жарким приторным маревом над горькой полыньё кладбища – оно сбивало с толку и сводило с ума. Словно любовь, как настоящий убийца, пришла на похороны своей жертвы, чтобы посмеяться в лицо всем присутствующим. Словно бедная невинная девушка, вступившая в неведомую для неё до сих пор схватку с любовью, потерпела поражение, и теперь её не успокоившаяся душа самоубийцы распространяла вокруг себя истому, полную сожаления о том, что так и не случилось.

Нарушив законы и традиции, Фатма настояла на том, чтобы присутствовать на погребении. Ей не посмели отказать. Когда на глаза покойной упала горсть жёлтой земли, из ямы с возмущённым шипением поднялась большая пятнистая гурза, распугав толпу суровых мужчин, и медленно уползла на запад.

Юношу, который решил во что бы то ни стало добраться до истины, звали Байрам, что означает «Праздник». Он любил напоминать себе об этом в те

моменты, когда его постигали жестокие разочарования, а постигали они его часто. Он сардонически ухмылялся судьбе и тайком ненавидел родителей, словно они были виноваты в том, что чары имени не сработали: жизнь его, как ни крути, нисколько не напоминала праздник. Вернувшись домой после похорон, он ушёл в свою маленькую комнатку, игнорируя мать, которая умоляла его поесть, заперся и просидел на кровати три часа в неподвижности и молчании. Затем он почувствовал голод, приоткрыл дверь и спросил:

- Еда ещё осталась?

- Осталась, - ответила мать голосом, полным недружелюбия. - Только остыла.

- Согрей да.

- Сам согрей, - отрезала родительница и ушла говорить по телефону.

Байрам закрыл дверь и вернулся на кровать, приняв на сей раз горизонтальное положение. «Я страдаю, а меня даже не хотят накормить, - подумал он. - И родной матери я не нужен». Некоторое время он упивался этой мыслью, придумывая разные сюжеты своего суицида. Когда фантазия иссякла и ему надоело лежать, Байрам открыл Facebook и погрузился в изучение последнего месяца жизни своей ненаглядной Афсаны. Несмотря на неугасающий и вроде бы даже болезненный интерес к ней, он ни разу не удосужился пойти и посмотреть, как она танцует, хотя по всему было ясно, что эта сальса играла в её жизни чуть ли не главную роль. Все последние посты так или иначе были связаны с танцами. От фотографий с вечеринок, где Афсана предстала в откровенных (на взгляд Байрама) нарядах в обнимку с самыми разными парнями, у Байрама закружилась голова, и эта запоздалая ревность ощущалась даже острее, чем если бы девушка была жива. Самое обидное заключалось в том, что больше половины этих наглецов выглядели едва ли лучше самого Байрама, и тем не менее им досталось то, чего никогда не доставалось ему. Байрам злился, но ему и в голову не пришло упрекнуть себя за то, что он не догадался пойти на танцы, потому что он не привык действовать или принимать самостоятельные решения. Как и многие другие люди его формата, Байрам в глубине души считал себя невероятно прекрасным и искренне злился и недоумевал, когда девушки его отвергали. При этом ради налаживания личной жизни он не хотел пальцем о палец ударить, даже для Афсаны. Но теперь что-то изменилось. Он словно приподнял завесу и увидел краем глаза прекрасный, запретный, недоступный простому смертному мир, где жили существа иного склада, где веселье текло

рекой и где все были друзьями. Этот мир кидал ему вызов. Откинувшись на кровать и уставившись в покрытый тёмными разводами потолок, Байрам подумал: «Я пойду туда в память о ней». С потолка сорвался кусок штукатурки и упал в паре сантиметров от головы Байрама, испачкав синтетическое пушистое покрывало с изображенным на нем ухмыляющимся тигром.

Бану проводила время в приятной праздности. Защитив магистерскую диссертацию – не без успеха, – она наслаждалась бездельем, чего не могла себе позволить с тех пор, как впервые пошла в школу: жизнь её была образцово-показательной, покорённые вершины следовали одна за другой, она не знала, что означает «прожигать жизнь», и мечтала попробовать. Для начала она категорически отказалась устраиваться на работу, где её почти наверняка ожидала встреча с бывшими сокурсниками, от которых она только недавно избавилась.

– Зачем мне работа? – с вызовом, в котором сквозила тайная горечь, вопрошала Бану. – Одежду покупать я не люблю, друзей у меня нет, никуда не хожу.

И хотя и то и другое было правдой лишь отчасти, сама она твёрдо верила в то, что говорила. Она берегла своё одиночество, как кошка бережёт котят, а в ознаменование начала «прожигания жизни» прочла всего Гюстава Флобера. Флобер ей категорически не понравился, только полная насилия «Саламбо» пришлась по вкусу. Не то чтобы эта книга вдохновила Бану, но ей снова вздумалось написать грандиозный роман. По утрам, когда никто не мешал ей, Бану наполняла тишину мягким шуршанием клавиатуры.

– Это будет бестселлер, вот увидишь! – гордо сообщила она Лейле, и та с истовой верой в подругу покивала головой, давая понять, что терпеливо подождёт, пока роман будет написан, чтобы прочесть его. Такая история повторялась уже несколько раз. Не видевшая жизни, но не обделённая фантазией юная писательница постоянно порождала нежизнеспособные творения. Некоторые бестселлеры Бану умирали на первых же страницах, иногда ей по инерции удавалось протаранить аж половину романа, но всякий раз, однажды перечитав написанное, она понимала, что это не более чем поток сознания, отправляла всё в архив и больше к нему не возвращалась.

Бану бездельничала в своё удовольствие, а тем временем пришёл октябрь с его последним ласковым теплом, за которым обычно наступает резкий, как спуск на американских горках, скачок в зимний холод. Тогда начинает дуть резкий ветер, характерный для Баку, одно из поэтических самоназваний которого – Город Ветров. Говорят, что сейчас уже ветра не такие злые, как раньше, благодаря новым высоким домам, которые повылезали за последние десять лет, как грибы после дождя. И всё же в городе оставались ещё места для любителей экстрима. Однажды Бану своими глазами видела, как на продуваемом отрезке пути от ворот её университета до главного корпуса паренёк наклонился на сорок пять градусов от земли и лежал в таком положении некоторое время, поддерживаемый мощным потоком воздуха. Словом, время, когда в Баку дуют ветры, – самое неподходящее для тех, кто любит носить пышные развевающиеся юбки и распущенные волосы.

Первого октября Бану с Лейлой пошли искать школу сальсы. У них на примете было два места, оба в центре города, потому что Бану наотрез отказывалась посещать заведения, удалённые от её дома больше чем на полчаса ходьбы. Первое место оказалось весьма «гламурным». Внутри было чистенько, прохладно от кондиционеров, свежий ремонт и, с позволения сказать, дизайн интерьера. Девушка на ресепшене, глядевшая на них свысока, словно небожительница, снисходительно назвала цену восьми уроков в месяц – пятьдесят манатов. Бану и Лейла вежливо поблагодарили её, взяли визитную карточку и пошли дальше.

Со второй школой возникло некоторое затруднение. Несмотря на чётко указанный в интернете адрес, Бану и Лейла потратили немало времени на броуновское движение по улицам, тычась в разные двери. Школа была словно призрак, отмеченный на карте, но не существующий в реальности. Девушки обегали целый квартал, спрятавшийся в тени большого нового здания, но не нашли ничего похожего на место, где могли бы танцевать люди. Только напротив громады гостиницы притаился одноэтажный дом на высоком цоколе, украшенный изящной резьбой по камню – сейчас таких мастеров уже не осталось. Вокруг неистовствовали завихрения буйного ветра, который, казалось, дул здесь одновременно со всех сторон, хотя в тот день в городе стоял относительный штиль. Девушек чуть не вынесло на кишашую автомобилями дорогу, а глаза им забило пылью так, что слёзы потекли, размывая тушь, и они могли думать только об убежище. В углу дома зияла пасть входа в подвал. Над подвалом они наконец заметили убогую вывеску, в которой упоминалось слово «танцы», но про сальсу не говорилось ничего. Бану, покачиваясь на десятисантиметровых каблуках, с опаской поглядела на крутые, кривые,

разнообразные и узенькие ступеньки, которые вели к наполовину открытой железной двери. Ветер настойчиво толкал Бану вниз. Переглянувшись, девушки взялись за руки, осторожно спустились по лестнице и открыли дверь.

Перед дверью сидел негр. Едва увидев его, Бану поняла, что они пришли по адресу и место это гораздо более солидное, чем тот стерильно-чистенький и безлюдный фитнес-клуб, куда они зашли до того. Загадочный запах щекотал ноздри. В тамбуре над входом в зал висел огромный плакат, на котором в экспрессивной манере была изображена танцующая пара. В зале группа людей занималась классической хореографией. Бану поразило несоответствие между неуклюжими фигурами и упражнениями, ими выполняемыми. Это и решило вопрос, а вовсе не то, что цена в этой школе оказалась на двадцать манатов ниже. Договорившись с весьма лысым мужчиной, который с пылающим взором выскочил из зала при появлении девушек, словно учуял их, Бану и Лейла решили прийти на первое занятие в понедельник.

– От этого места веет профессионализмом, – задумчиво произнесла Бану на обратном пути и выбросила визитную карточку первого клуба в урну. Налетевший резкий порыв ветра подхватил карточку, закружил её, перемешал с целлофановыми кулками и увлек в небо, поднимая все выше и выше, пока она не сгорела в верхних слоях атмосферы.

Что-то в тот день разбудило Гюнай очень рано. Едва рассвело. Хрупкий утренний свет падал ей прямо на лицо, кто-то накануне забыл задёрнуть занавески, и поэтому Гюнай долго лежала, зажмурившись, прежде чем поняла, что заснуть больше не удастся. Первым, что она увидела, открыв глаза, был, как всегда, её муж: он лежал на животе со странно свёрнутой шеей, лицом к ней. И вдруг Гюнай поняла, что он уродлив.

Когда они познакомились в школе сальсы, она не обратила на него внимания, и если бы её спросили, как он выглядит, не смогла бы сказать ничего определённого. Как-то само собой получилось, что они начали танцевать вместе всё чаще и чаще, сначала сальсу, а потом и бачату – танец откровенный и весьма способствующий сближению партнёров. Потом он стал провожать её до метро, а потом пригласил в кафе. Так, постепенно, они начали встречаться. Через полгода сыграли свадьбу, причём Учитель сам поставил для них танец жениха и невесты (за особую плату, разумеется). Родители Гюнай преподнесли молодожёнам подарок – четырёхкомнатную квартиру в новостройке, отделанную и обставленную со всей тщательностью. Всё было как полагается:

гипсокартонная волна на потолке, неоновая подсветка, розовые занавески с плиссированными ламбрекенами и весьма недешёвая турецкая мебель в духе «дворцового переворота». Ещё через год в новой семье появился ребёнок. С этим её особенно торопили – родня мужа и её собственные тётушки. Все они безотчётно желали, чтобы к тому моменту, когда Гюнай и Халил осознают, что вступили в брак не по любви, а от безысходности, их уже намертво связывало общее потомство.

Сейчас Гюнай лежала пластом под одеялом, смотрела на гипсокартонную волну на потолке, линия которой попирала все законы природы и математики, и задавалась вопросом: а почему же она, собственно, вышла замуж за Халила? И тут же ответила – потому что он не плевал на тротуар, потому что его не интересовало, какой доход у её родителей и сколько стоит её мобильный телефон, потому что он не кидался на всех девушек подряд, потому что он работал на хорошей работе и был вроде бы из порядочной, интеллигентной семьи. Вот, собственно, и всё. К тому же она вышла замуж в двадцать три года, когда над ней уже нависла угроза остаться навеки старой девой, о чём не уставали напоминать ей родственницы женского пола, которым не терпелось потанцевать на свадьбе. Некоторые наиболее лютые уже принялись подбирать ей кандидатов на своё усмотрение. Среди женихов были сорокалетние девственники, чрезмерно привязанные к матерям, исправившиеся наркоманы и потерянные мальчики, которые мечтали поскорее жениться и начать ходить налево.

Они бросили сальсу после того, как поженились. Халил начал работать на двух работах сразу, а Гюнай сидела дома, постепенно забывая всё, чему выучилась в институте, и готовя обеды, что поначалу её развлекало. Но скоро ей стало скучно. Ребёнок лишь немного скрашивал однообразные дни. Она выставляла в социальных сетях его фотографии, где они собирали немалое количество комментариев, полных умиления, люди писали, что дети – огромное, величайшее счастье, и это немного утешало Гюнай, к тому же приятно щекотало самолюбие, ведь она уже мать, а многие её сокурсницы до сих пор не замужем и наверняка умирают от зависти. И всё же она скучала. Она вроде как сделала всё то, ради чего жила на свете, и больше делать было нечего – только пожинать плоды своей успешности. В Facebook, там, где раздел информации, в качестве «места работы» она написала гордое «Мать и Жена». Если люди поверят в то, что Гюнай фантастически счастлива, то и она в это поверит.

А сейчас она лежала и думала о том, что её муж некрасив. Как она раньше этого не замечала? Он был едва ли выше её самой ростом, щуплый, выцветший какой-то, с кошмарными мешками под глазами, как будто только и делал, что пьянствовал по ночам, хотя он вообще не брал в рот ни капли спиртного, потому что изображал из себя мусульманина. Да и на ощупь, в темноте, под одеялом, Халил был холодным и шершавым, словно ящерица.

Гюнай попыталась прогнать эти мысли. «Просто мне приснился плохой сон», – сказала она себе. Но это было не так. Её голова до сих пор кружилась, а тело словно хранило чужое, позаимствованное тепло, потому что на самом деле Гюнай приснилось, что она танцует сальсу с Учителем.

Наяву это произошло только один раз, случайно, когда Халил заболел и не пришёл, и Гюнай осталась без партнёра, а лишних мужчин, как обычно, не было. Учитель исполнил свой долг и танцевал с Гюнай сам, умело скрывая страдания по поводу того, что танцевала она плохо и её трудно было вести. А она словно впала в транс, дрожала и танцевала хуже обычного, потому что очень беспокоилась о том, что он подумает. После, когда удивлённая Гюнай пыталась понять, отчего же она так волновалась, она сказала себе, что, должно быть, поддавалась всеобщему трепету перед непререкаемым авторитетом Учителя. С тех пор как он удостоил её танцем, все другие партнёры, включая Халила, казались ей неуклюжими и неумелыми. К тому же от многих из них дурно пахло.

Напротив их дома возводили очередную новостройку, и в этот ранний час отчаянно торопящиеся рабочие уже начали осквернять тишину пыльного утра воплями лагунд, распиливающих камни. Находиться в спальне стало невозможно.

Гюнай встала с кровати и пошла на кухню, чтобы, как всегда, приготовить завтрак, но вместо этого сварила себе безвкусный кофе в электрической кофеварке, подаренной свекровью, и села за стол, задумавшись. Хоть разочек, и Халилу вовсе необязательно об этом знать, она должна пойти на сальсу и вспомнить, как это было. Едва она успела принять это решение, как из спальни раздался грохот и оглушительный плач – ребёнок проснулся и умудрился вывалиться из кровати.

Байрам имел неосторожность поделиться планами относительно сальсы со своим давним приятелем Мамедом, когда они сидели на скамейке в сквере и щёлкали семечки, устлая ковром шелухи всю мостовую. Под ногами у них топтались толстые и обнаглевшие голуби, они активно поклёвывали мусор, но парни сорили куда быстрее, чем птицы успевали убирать.

– Танцы? – Мамед разразился визгливым смехом, от которого две проходившие мимо женщины подпрыгнули. – Ты что, гомик?

От злости и обиды Байрам не сразу нашёлся с ответом. Он проглотил семечку вместе со шкуркой и закашлялся под противным насмешливым взглядом Мамеда.

– Я буду танцевать с разными красивыми девушками, а ты будешь сидеть один, грызть семечки, и тебя все будут отшивать, – сделал он наконец злое пророчество.

– Красивые девушки не станут с тобой танцевать, – заявил Мамед, и, как положено хорошему другу, добавил: – Ты в каком виде?!

Байрам обиделся и ушёл. «Сначала он издевается, а потом послушает мои рассказы и тоже припрётся, знаю я этого меймуна[1 - Обезьяна (пер. с азерб.).]».

– Папа, я пойду на сальсу, – заявил он дома. Его отец никогда раньше не слышал слова «сальса» и не знал, что это такое, но на всякий случай дал своему отпрыску две затрещины и запретил.

– Мне восемнадцать лет! – истерически крикнул Байрам. – И я сам буду решать, куда мне ходить!

– Тогда на машину себе тоже сам заработаешь, – спокойно ответил отец.

– И ладно, – прошептал Байрам и решил: завтра.

Назавтра он прогулял занятия в институте, правда, он постоянно их прогуливал, но в этот раз у него была очень серьёзная причина: он морально готовил себя к тому, чтобы пойти на сальсу. Впервые в жизни Байрам пожалел о том, что

получает убогую стипендию троечника: раньше он тратил её на сигареты, которые курил тайком от родителей, но теперь она вся будет уходить на оплату уроков сальсы. Он поискал школу на карте города и вздрогнул, заметив вдруг то, на что не обратил внимания раньше. Школа размещалась в здании, соседнем с тем, с которого спрыгнула Афсана. Фактически она упала у самого входа (задев чью-то машину, и хозяин автомобиля долго ещё будет капать на мозги семье покойной, требуя возместить ущерб). Байрам решил, что, возможно, он на верном пути и место самоубийства было выбрано не случайно. Афсана ведь могла сброситься и с Девичьей башни (Байрам очень давно не поднимался на Башню и поэтому не знал, пока она открыта для посетителей, на верхней площадке постоянно торчит озверевший от скуки полицейский, специально туда поставленный, чтобы отлавливать и штрафовать самоубийц и прочих желающих полетать). Она могла даже утонуть в море. Но она пришла к школе, значит, и его путь ведёт к ней.

Байрам вошёл туда в шесть часов вечера, словно в храм чужой религии, с опаской, остановился в тамбуре и стал глядеть в зал на единственную танцующую пару – было рано, занятия ещё не начались. Дверь, в которую толкался яростный ветер, коротавший день возле здания школы, распахнулась и чуть не зашибла Байрама. Увидев его, танцующий парень оставил партнёршу и поспешил к потенциальному клиенту.

– Что вы хотели? – спросил танцор.

– Записаться на сальсу... – робко ответил Байрам, успевший наглядеться на их танец и убедиться в том, что он так никогда не сможет.

– А, вам туда, – парень показал на дверь в противоположном конце зала и вернулся к своей партнёрше, которая продолжала танцевать одна перед зеркалом.

Байрам прошёл через зал, мимо умывающегося кота, похожего на пуму, который смерил его ледяным презрительным взглядом. Байрама передёрнуло, он ускорил шаг и вступил в маленький кабинет со скошенным потолком. За столом сидел мужчина, который показался Байраму огромным из-за накачанных мышц, которые он охотно демонстрировал посредством открытой майки. Он вёл с кем-то оживлённую переписку в телефоне и не сразу заметил посетителя, а только после того, как тот предупредительно запыхтел. Когда мужчина поднял на Байрама свои чёрные глаза и словно ввинтился ими в зрачки парня нахально и

оценивающе, тот и вовсе почувствовал себя жалким ничтожеством.

- Да? - нетерпеливо сказал мужчина, видя, что благоговейное молчание затягивается.

- Я хотел на сальсу записаться, - промямлил Байрам, стараясь не смотреть ему в глаза, словно был преступником.

- Занятия для младшей группы в понедельник и в четверг, начинаются в полседьмого и до восьми. Тридцать манат в месяц.

- Угу...

- А ещё у нас проводятся вечеринки по субботам. Членам клуба скидка - полцены!

Мужчина выудил из ящика стола тетрадь формата А3, любовно разлинованную внутри на столбики.

- Имя-фамилия скажи, - приказал мужчина.

- Э-э-э - Байрамов Байрам.

- Праздников Праздник, так и запишу. - Мужчина захихикал. - Твой номер - сорок два, запомни. Занятие в четверг. Оплату надо сделать заранее, в четверг сделаешь.

- Спасибодосвидания, - с облегчением выдохнул Байрам и выскочил из кабинета, едва не столкнувшись в дверях с какой-то рыжей женщиной. В зале прибавилось народу, кот спал на оставленных танцовщицами сумках. Когда Байрам проходил мимо, животное активизировалось и попыталось укусить его за ногу. Боявшийся кошек Байрам в панике выбежал на улицу.

На первое занятие Бану пришла в жёлтом, как цыплёнок, платье-трапеции, впрочем, она тут же переделалась в спортивные штаны и майку. На улице припекало солнце, но в самой школе было на порядок прохладнее, хотя

большеголовые вентиляторы, напоминавшие футуристические подсолнухи, стояли неподвижно. Урок проходил тихо и спокойно, разминку вёл парень, похожий на кокосовую пальму из-за торчавших во все стороны кудряшек. Потом совсем новичков отправили в маленький зал учить основные шаги. Это был зал как зал, с прекрасными зеркалами, которые делали отражавшегося в них тоньше в два раза. В одной из стен Бану заметила маленькое окошко, расположенное примерно в метре от пола. Окошко было кокетливо приоткрыто. Бану не преминула засунуть в него голову, но не увидела ничего, кроме непроницаемой темноты, да холодный затхлый воздух не приветливо ударил в нос.

- Там нет ничего интересного, - заверил её молодой пухленький специалист по основным шагам. Бану не поверила ему, но вопрос о маленьком окошке решила оставить пока открытым.

После занятия Бану и Лейла отправились в кабинет внести плату за месяц вперёд. Их имена внёс в журнал тот же кудрявый парень, который вел разминку. Они пригляделись к нему внимательнее, и он показался им похожим на кубинца.

- Спасибо, приходите к нам ещё, - пошутил он, принимая деньги.

- Куда же мы теперь денемся, - в тон ему весело ответила Бану.

Молодой лысый, которого они встретили в прошлый раз, проводил их взглядом, полным голода. Выйдя на улицу, где их встретил колючий ветер, Бану сказала:

- Лейлуш, тебе не кажется, что в этом месте чего-то не хватает?

- Не знаю... Чего?

- Точно не скажу. Но они все словно ждут чего-то. Словно у них затишье перед бурей. Они похожи на... на планеты, у которых нет звезды. Понимаешь, о чём я?

- Нет, не понимаю. Я ничего такого не заметила. Кажется, этот похожий на кубинца у них главный.

Бану с сомнением покачала головой. Какой-то внезапно пробудившийся инстинкт подсказывал, что на увиденном ею полотне недостаёт последнего,

главного штриха. Но ей не оставалось делать ничего иного, кроме как ждать.

Тугая спираль истории начала разворачиваться не раньше, чем Бану и Лейла научились нескольким поворотам и поняли в общих чертах принцип подчинения партнёру.

Разминка шла как обычно, но вдруг музыка замерла, остановив людей на половине движения. По залу прошёл сквозняк, наполненный загадочным ароматом. Входная дверь отворилась, и с той стороны понеслись волной передаваемые из уст в уста слова: «Он вернулся». А вслед за словами в зал ворвался человек, и все присутствующие разразились неожиданными аплодисментами. Бану не разглядела незнакомца, которого обступили со всех сторон, но сразу же невзлюбила его: не может быть хорошим тот, кого все так любят. А он прокатился по залу, стремительный и толстозаденький, сочно чмокая в щёчки всех, кто бежал поприветствовать его. Неприязнь Бану усилилась.

Но в настоящую ненависть эта неприязнь перешла после урока, когда они с Лейлой имели неосторожность задержаться в тамбуре. Лейла искала в сумке мобильный, Бану нетерпеливо постукивала каблуком и смотрела на людей, которые почему-то вдруг оживились, как зомби, учуявшие запах свежих мозгов. Новоприбывший любимец публики тоже застрял в этом узеньком проходе, развлекая кого-то светской беседой, и Бану, стоявшая на ступеньках и таким образом оказавшаяся на одном уровне с довольно-таки рослым незнакомцем, сумела наконец разглядеть его. Он потряс её. Нельзя сказать, что он был безобразен, но таких людей Бану никогда не встречала, судя по всему, он был единственным представителем типажа. Странный человек заметил, что она пялится на него, и улыбнулся, обнажив шестьдесят четыре мелких торчащих вперёд зуба, причём уголки его влажного лилового рта чуть не соединились у него на затылке. Близко посаженные чёрные глазки, похожие на две пыльные черносливины, оставались холодными и смотрели пронзительно, что вкупе с оскалом хэллоуинской тыквы создавало пугающее впечатление. Бану подумала, что он похож на марионетку, словно его не мать родила, а кто-то сделал с помощью рук и топора из небезызвестного носатого полена. Тем временем мужчина, очевидно, всё это время размышлявший над тем, как бы закрепить произведённый его феерической красотой эффект, решил остроумно пошутить.

– Что это у тебя здесь? – спросил он, тыча смуглым ухоженным пальцем в грудь Бану. Та знала старую детсадовскую шутку, но и представить себе не могла,

чтобы мужчина в столь почтенном возрасте сыграл бы её с девушкой не менее почтенного возраста. Поэтому она машинально опустила голову и тут же поплатилась за свою недалёковидность: «марионетка» схватил Бану за нос, весьма больно и непочтительно дёрнул и, довольный собой, ускакал восвояси на своих крепких и гладких ножках. Бану чуть было не спросила громогласно: «Что это за придурок?», но сдержалась, и врождённая деликатность спасла её, потому что незнакомцем, дёрнувшим её за нос, был сам Учитель.

Гюнай трепетала. Словно вход в пещеру, населённую дивами, манила и отталкивала простая железная дверь, некогда выкрашенная белой краской, а теперь потемневшая и хранящая на себе множество отпечатков ног. Яростный ветер, взявшийся непонятно откуда, толкал Гюнай в спину. Если бы кто-то спросил Гюнай, отчего она так волнуется, она не смогла бы дать внятного ответа. Может быть, она нервничала из-за того, что впервые делала что-то тайком от мужа. Собравшись с духом, она толкнула дверь и вошла внутрь.

И тут же наткнулась на Учителя. Он стоял в коридоре, скрестив руки на груди, и оживлённо, по своему обыкновению, болтал с кем-то. Когда Гюнай попыталась прошмыгнуть мимо него, оставшись незамеченной, он воскликнул:

– Девушка, ваше лицо мне знакомо!

Гюнай подпрыгнула на месте и начала лихорадочно придумывать ответ, но Учитель уже вернулся к своему разговору. Он даже не помнил, как её зовут! «А что я хотела, – подумала Гюнай. – Может, он никогда и не знал, как меня зовут». Тут бы ей успокоиться да отправиться домой, к ребёнку, но в коридоре было много народу, и резко развернуться и уйти ей не хватило духу. Ведь тогда бы она выглядела глупо, как человек, который не знает, чего хочет! А Гюнай всегда знала, чего хотела. Во всяком случае, ей так казалось до недавнего времени. Гюнай направилась в женскую раздевалку, по коридору, мимо возбуждённых учеников, которые с любопытством провожали её глазами. Её окутала полузабытая, но, против всякого ожидания, такая родная атмосфера весёлого оживления. Как же Гюнай, оказывается, по ней скучала!

В раздевалке уже никого не было, кроме кота, восседавшего на сумках, – она немного припозднилась. В зале заиграла медленная, романтическая кизомба, значит, началась разминка. Гюнай заторопилась, переодевая туфли, поэтому ей

стало очень обидно, когда одинокая лампочка в раздевалке замигала, потускнела и погасла.

Пробке не было видно конца. «Опять кто-то едет», – думала Чинара, наглухо закрывшаяся в своей машине, несмотря на то что духота мучила её. Водители сигналили как остервенелые, один идиот начал – и с пол сотни подхватили, очевидно, из солидарности. Не могли же они всерьёз верить, будто громкие звуки способны стереть с лица Земли стоящие впереди машины! Чинара тоже несколько раз вдавила кнопку клаксона, от злости и со скуки. Перебегавшая дорогу перед её автомобилем женщина схватилась за сердце от неожиданности и пробормотала какие-то проклятия. Чинара обозвала её «старой стервой», а потом покосилась налево – там мужчина, сидевший за рулём, воспользовался неожиданно появившимся свободным временем и устроил генеральную уборку в носу, одновременно разглядывая Чинару. Заметив, что она на него смотрит, он накарябал карандашом на обложке мужского журнала номер телефона и прижал журнал к окну, монотонно что-то бубня. Чинара порадовалась, что не слышит его, и посмотрела направо. Там стояла машина, битком набитая детьми, которые перемещались внутри неё, подобно пузырькам газа, доводя до совершенства общую картину хаоса и ужаса. «Какое счастье, что мне это уже не грозит», – подумала Чинара.

Десять лет назад Чинара развелась с мужем и с тех пор искала своё счастье, неутомимая, как следопыт. Любовники бросали её, реже она бросала их, некоторое время страдала, потом знакомилась с новым мужчиной, и всё начиналось сначала. С каждым разом найти новую жертву становилось всё сложнее, потому что старые старели, а молодые уезжали из страны. Те, кто оставался, не выдерживали даже самой слабой критики.

Тот, кто должен был проехать по дороге, наконец проехал, взбешённые до крайности водители завели моторы, и вереница машин двинулась с места, словно огромный караван неторопливых верблюдов, но постепенно набрала скорость.

– Ханым, ай ханым![2 - «Ханым» означает «госпожа» и является универсальным вежливым обращением к лицам женского пола (прим. авт.).] – крикнул мужчина, который ковырял в носу. – Эй, девушка!

– Пошёл в задницу! – ответила Чинара, которую взбесил не столько факт приставания, сколько неуместное по отношению к сорокасемилетней женщине обращение «девушка». Она нажала на педаль газа и оставила незадачливого кавалера далеко позади себя. Чинара была решительной дамой.

Несколько месяцев назад она рассталась с очередным возлюбленным, с которым встречалась довольно долго. Разрыв был болезненным, и Чинара долгое время не желала никого видеть. Постепенно всё забылось, ей снова захотелось любви. Однако, вернувшись в свои охотничьи угодья, Чинара обнаружила, что дичь за это время совсем перевелась. И вот летом она, кажется, нашла новый дивный сад, где произрастали прекрасные цветы, только и ждущие, чтобы их сорвали. Они с подругой поехали на пляж и там имели удовольствие наблюдать, как развлекается танцевальный клуб. Чинара, многоопытная женщина, знала, из каких соображений люди идут учиться танцевать, а значит, если она запишется в школу танцев, то непременно найдёт кого-то, кто скрасит её одиночество. Она бы отправилась туда ещё в августе, но в августе школа была закрыта, видимо, для того, чтобы дать возможность людям, постоянно проводящим время вместе, отдохнуть друг от друга. Поэтому весь август она посвятила восстановлению своей порядком приувядшей красоты. А в сентябре явилась в школу во всем блеске и имела там большой успех как танцовщица, потому что когда-то в молодости занималась балетом и пребывала в отличной физической форме. И, что ещё приятнее, она нашла себе очень молодого партнёра, с которым собиралась выступить на предстоящем чемпионате.

Сейчас она направлялась в школу сальсы, думая об Учителе, который сразу пленил её сердце своими дружелюбными – даже излишне дружелюбными – манерами. В тот день, когда Чинара впервые увидела его на пляже, он был самым ярким из всех, самым красивым. Она вздохнула. Её машина вздохнула вслед за ней, выпустила облако чёрного дыма и остановилась посреди дороги. Мотор заглох.

В течение некоторого времени Бану не сталкивалась с Учителем лицом к лицу, и они не были знакомы официально, в основном потому, что она ещё не перешла в ту группу, которую он вёл. Лишь иногда он выскакивал из зала и по пути в туалет успевал ткнуть под рёбра парочку-другую девушек, которые изображали дикий испуг и радостно визжали. Бану никак не могла понять, что же им нравится в таком обращении, а потом махнула рукой, решив, что для некоторых из них это, возможно, единственный шанс ощутить физический контакт с

мужчиной. Она сосредоточилась на танцах, и её очень скоро перевели в старшую группу начального уровня. Тогда они вместе с Лейлой собрались на ярмарку, потому что это оказалось единственное место, где можно было достать танцевальную обувь.

Уже наступил ноябрь, но погода оставалась аномально тёплой. Лейла рулила, а Бану, высунув голову в окно, наблюдала сквозь тёмные очки за тем, как город растворяется в окружающем ландшафте по мере того, как они продвигались на юго-запад. Солнце плавало холм, по которому сбегали вниз и рассыпались, как горох, новенькие коттеджи наподобие американских, неуместные и беспомощные со своими зелёными скатными крышами в суровой, пустынной местности. Дорога, по которой они ехали, огибала холм, который с другой стороны оказался отвесной бледной скалой, изъеденной солёным ветром. Дальше они ехали мимо других холмов, фиолетовых, жёлтых, серых, более или менее застроенных, мимо кладбища, вскарабкавшегося в почти отвесную гору (Бану подумала, что покойников, вероятно, зарывали в землю в вертикальном положении), мимо нефтяных качалок, похожих на молящихся птиц. Потом наконец вдалеке на равнине, которую обступали голые холмы, показались ряды длинных арочных строений, похожих на ангары. Когда они приблизились, Бану смогла заглянуть внутрь и увидела бесконечную, до линии горизонта, стеклянную галерею, внутри которой люди сновали, как муравьи.

Они нашли для парковки свободное место у ресторанчика, откуда доносился дивный запах жаренного на углях мяса. Рядом расположилась розовая каменная коробка с ровным рядом окон – гостиница. С одной стороны над ярмаркой возвышался холм, с другой простирались пустые пространства, размежёванные столбами. Бану подумала, что во всём этом есть своеобразное очарование, ей даже захотелось остаться в чудовищной гостинице.

Девушки довольно скоро заблудились. Бану не беспокоилась: она с интересом вертела головой, рассматривая людей и товары, дешёвые и многочисленные. Проходя мимо магазина мужской обуви, она ткнула Лейлу в бок и воскликнула:

– А здесь продают подковки для единорогов!

– Чего?

– Обувь для несуществующих зверей.

– А, для мужчин, что ли? – Лейла подумала немного. – Ну, может, эти существа выползают только по ночам, когда мы спим, поэтому мы их не встречаем.

– А что, если мы купим пару подковок, мы сможем их приманить? – не унималась Бану.

– Уж лучше попытайся на еду.

Проходы между магазинами были почти перекрыты выставленными наружу ёлками, развешанные повсюду гирлянды, похожие на откормленных мохнатых гусениц, мягко касались голов отдельных высоких посетителей ярмарки: люди готовились к Новому году и к концу света. Когда Лейла покупала свечи, продавец спросил:

– Сколько упаковок надо?

Лейла слегка обалдела, потом засмеялась и ответила:

– Одну, думаете, я к концу света готовлюсь?

Истерия со свечами началась ещё в октябре, а в конце ноября достигла своего апогея: поверив календарю майя (которые, как презрительно заметила Бану, не смогли, между прочим, предсказать свой собственный конец, наступивший гораздо раньше), люди решили, что двадцать первого декабря непременно наступит конец света в виде тотального блэкаута. С чем связано было такое буквальное понимание словосочетания «конец света», до сих пор остаётся загадкой. Так или иначе, свечи считались панацеей от дня Страшного суда, и их покупали ящиками, что очень радовало торговцев, взвинтивших цены до небес. Консервы и вода в огромных баллонах тоже имели успех. Люди запасались провизией и свечами и с тревогой следили за страшными знаменами грядущего божественного пинка. В Акстафе корова родила двухголового телёнка, который обеими головами умел произносить имя Аллаха задом наперёд. Посмотреть на это чудо приезжали со всей страны, и хозяева телёнка на собранные с показов деньги сыграли роскошную свадьбу для своего сына, нисколько не заботясь о том, что скоро конец света, ведь интернета у них не было, и новости они узнавали только от соседей: у Ахмедовых сын привёл в дом девушку четырнадцати лет, и родители той пригрозили не принимать её обратно, а у Расуловых украли курицу, хотя та, может быть, сама сбежала от жестокого обращения, вот и все

новости. Появлению двуглавого тельца никто из местных не удивлялся, а знамений тем временем становилось всё больше. Как-то ночью над городом повисла огромная луна, красная, как сицилийский апельсин. Когда Бану гуляла по самой красивой улице в городе, чтобы ровно в полдень загадать желание, часы на башенке здания городского совета пробили полдень целых три раза. А однажды утром, выйдя на бульвар, Бану увидела, что море за ночь опустилось сантиметров на двадцать, оставив как воспоминание о себе влажную полосу на столбах эстакады, да и та скоро высохла.

Но конец света наступит позже, а в туфлях подруги нуждались сейчас. Был воскресный день, и поток посетителей всё прибывал. Стало очень шумно и душно. Бану и Лейла с трудом нашли нужный магазинчик, куда едва вместились все клиентки. Казалось, что весь город ринулся на сальсу, продавец чудом нашёл обувь подходящего размера. Бану села примерять туфли и заметила на замшевой подметке клеймо «М.М».

– Что это такое? – удивлённо спросила она.

– «Мастер Мамед», – ответил мужик, сидевший в тёмном уголке магазина на низенькой табуреточке. – Мамед – это я!

– Непревзойдённая работа! – хмыкнула Лейла.

– Я и качество – это синонимы! – Мастер проявил чудеса остроумия и знания лексики.

– Шьёт туфли из картона, зато профессионального тщеславия не меньше, чем у Лубутена! – восхитилась Бану, когда они вышли из магазина, купив по две пары обуви.

И вот наконец случай свёл их в танце, если, конечно, бесконечное повторение одной и той же связки поворотов, которую они разучивали в тот день, можно назвать танцем. Впервые Бану танцевала с Учителем, и тогда она во второй раз отчётливо ощутила запах, исходивший от него, – тревожный дух мёда и плесени, тот самый запах, который заполнял весь подвал, когда Учитель был в школе, и от которого волосы на шее Бану встали дыбом, а сердце заняло. Учитель вёл необычайно мягко, так что Бану начало казаться, что она запуталась в молодой лиане. Ни один из партнёров, будь он новичком или матёрым почти-

профессионалом, не был таким гибким. И это при таком крепком, накачанном теле! Учитель задал ей вопрос, назвав по имени. «Откуда он знает моё имя?» – удивилась Бану. А он, поразмыслив о чём-то, приказал ей:

– После урока зайдёшь ко мне. – Бану вздрогнула, услышав этот тихий бархатный голос, потому что обычно Учитель вопил, как иерихонская труба. Заинтригованная, она с нетерпением ждала конца урока. Напоследок Учитель решил осчастливить всех демонстрационным танцем с какой-то маленькой, толстенькой и юркой женщиной, которая вертелась, как юла, и выглядела презабавно. Окружённый своими учениками, которые не сводили с Учителя глаз и объективов телефонных камер, он вертел задом, притоптывал ножками, вытягивая шею, будто сурикат.

– Ну и фигурка у него, когда он крутится, вылитое веретено! – не удержалась Бану. Лейла расхохоталась, но её смех был заглушен громом благодарственных аплодисментов. Учитель с полушутливым видом раскланялся, крикнул: «Урок окончен!» – и удалился в кабинет, а за ним последовала процессия страждущих, и у каждого имелось к нему какое-то дело. Некоторые женщины, как заподозрила Бану, пришли к нему просто ради удовольствия поболтать и желая обратить лишний раз на себя его внимание. Бану не хотелось лезть в толпу, поэтому она, как змея, просунула голову в дверь и подождала, пока поток посетителей иссякнет. До неё доносились обрывки разговоров:

– Я очень похудела от имбиря, правда, я ещё ничего не ела, кроме него, и ходила каждый день на фитнес...

– Я пью чай с имбирём после каждой еды, но всё равно не худею.

– Имбирь он от него не худеют, его едите и тогда то что съели не поправляетесь.

Бану ещё не привыкла к неподражаемой манере Веретена изъясняться и сдержанно засмеялась в ладошку. Говорило Веретено по-русски без малейшего акцента, но с такими дикими ошибками, что после недолгого общения с ним мировоззрение человека в некотором роде менялось. Бану пока этого не знала.

Из кабинета в раздевалку она бежала так быстро, как только позволяли танцевальные туфли, и в проходе чуть не сбила с костылей безногого молодого парня, который печально бродил между парами, танцевавшими в коридоре

после урока для собственного удовольствия. Парня звали Тимур, и когда-то он был лучшим танцором в школе.

Его притащил туда друг, фанатично сверкая глазами, в то время Тимур был совсем молоденьким, притким и гибким. Он схватывал всё на лету, нравился партнёрам своей скромностью и застенчивой улыбкой, не пропускал вечеринок и семинаров. Только с Учителем Тимур не сдружился, а предпочитал обожать на расстоянии, потому что побаивался его.

И вот однажды Учитель решил выставить своего лучшего ученика, как боевого петуха, на чемпионат страны по сальсе.

– Реши, с кем будете выступать, вот с Нигяром, например, она очень хорошо танцует, займёте с ним какое-нибудь место...

– Ну не знаю. – Тимур нервно переминался с ноги на ногу, а сам подумал, что ни за что не будет танцевать с Нигяр, потому что танец с ней будет похож на тренировку по дзёдо (какое искусство заключается в умении драться деревянной палкой), ведь бедная девушка была пластична, как бревно.

– Тогда с Юлей. В общем, составляйтесь в пару и начинайте готовиться.

– Я не хочу э... выступать, – помявшись, признался Тимур.

– Не хочешь выступать? – задумчиво переспросил Учитель, слегка нахмутив свои резко надломленные чёрные брови (Бану, описывая их подруге, сказала: «Так гримируют в театре актёров, которые играют злых колдунов»).

– Н-нет, у меня времени нет э... Работаю, не успеваю.

– Тимур, это же не всё время занимает, подготовка к чемпионату. Приходи по выходным и в любое другое время.

– Нет, я правда не могу.

– Уверен?

- Да э...

- Ну ладно, - холодно сказал Учитель, и больше они к этому вопросу не возвращались.

А через три дня, добираясь утром до работы на автобусе, следовавшем четырнадцатым маршрутом, Тимур потерял ноги. День не задался с самого пробуждения. Сначала Тимур проспал, а потом перекрыли дороги. Через сорок минут, когда дороги освободились, явился четырнадцатый автобус, за рулём которого сидел злобный и даже как будто обкуренный водитель. Едва не снеся остановку, он тормознул, и железное чрево автобуса исторгло из себя массу взмыленных раздражённых людей. Какая-то дородная женщина, вылезая, продолжала скандалить с шофёром. Тимур едва успел заскочить внутрь, когда автобус сорвался с места, дребезжа распахнутыми дверями. Тимур висел на подножке, наполовину высунувшись на улицу, обдуваемый встречным ветром. Водитель, не переставая бормотать под нос какие-то проклятья, то резко тормозил, то так же внезапно срывался с места, отчего несчастные пассажиры подпрыгивали, словно шарики в погремушке. Автобус приближался к железной дороге, по которой неторопливо, но неутомимо шествовал товарный поезд.

Водитель заметил его и, решив проскочить, хотя до поезда оставалась пара метров, со всей дури поддал газу и в этот же миг понял, что не рассчитал. Они с машинистом поезда встретились почти нос к носу, обалдело посмотрев друг другу в глаза, а потом автобус судорожно рванулся в сторону, освобождая рельсы, накренился и рухнул набок, как большое подстреленное животное. Тимур вылетел вон и кубарем понёсся под колёса поезда. Он успел остановить набравшее силу качение, только когда обе его ноги аккуратно легли на рельсы. Остальное поглотила тьма, и эта тьма следовала за ним до сих пор, окружая его аккуратным яйцеобразным коконом, где бы он ни находился. Даже под светом летнего солнца вокруг Тимура всегда было темнее, чем везде.

Но Бану, вихрем пролетевшая сквозь холодное облако тьмы, даже не заметила этого. Веретено считает её талантливой и приглашает позаниматься в дополнительной группе, ну надо же! Он пообещал разучить с ней разные элементы акробатики и вообще сделать лучшей танцовщицей школы. Ей это очень польстило, хотя реакция Веретена на её появление была ожидаемой и предсказуемой, ведь она-то, Бану, не с улицы на танцы пришла!

Тимур вздохнул с покорным видом мученика и присел на скамеечку. Какая-то неведомая сила продолжала тянуть его в школу танцев каждый день, хотя танцевать он уже не мог.

Байрам тоже не мог танцевать, хотя ноги у него имелись. Его полная беспомощность как танцора выяснилась через пару месяцев (задолго до этого выяснилась ещё его полная беспомощность как художника, поэта и музыканта), когда он всё ещё ходил в группу, где обучали основным шагам. Зато он обрёл кумира в лице Учителя. Он даже начал качаться дома, чтобы приобрести такие же внушительные бицепсы, но пока добился только того, что уронил гантели на пол и разбил метлах. Скандал вышел грандиозный.

Однажды он отважился спросить Учителя:

- К вам ходила девушка одна, Афсана...

- Да-да, помню её. Кстати, что-то её давно не видно. Почему она не ходит?

- Она умерла. Прыгнула с пятнадцатого этажа.

- Аллах, Аллах! - всплеснул руками Учитель. - Кто это её так обидел?!

- Не знаю, но скоро узнаю! Клянусь мамой!

Через неделю Байрам попытался расспросить Учителя о жизни Афсаны в пределах школы, но когда он начал:

- Помните, девушка, Афсана... - Учитель перебил его:

- Афсана? Нет, а кто она? - Он очень быстро забывал тех, кто переставал приносить ему доход.

Этот короткий диалог случайно был услышан человеком, который мог внести некоторое прояснение во мглу печальной тайны Афсаны.

– Эй, мальчик! – позвал голос из тёмного угла. Байрам резко обернулся и встретился взглядом с пожилым мужчиной, ростом едва ли выше самого Байрама. У него были голубые глаза, голубые, как зелёный морской лёд, и это было его единственное достоинство. Байрам выжидающе уставился на незнакомца.

Того звали Руслан, и он рассказал, как однажды на уроке Учитель, танцуя с Афсаной, дёрнул вверх её руку, как будто объявлял победителя в боксёрском поединке, и завопил:

– Я поднимаю руку девушки, которая скоро будет одним из самых лучшим танцоров в нашем клубе! Похлопаем ей!!!

И несчастную Афсану, которая в школе и в институте перебивалась с троек на четвёрки с минусом, а в сценических постановках сказок изображала чаще всего неговорящий куст, вдруг окатили шквалом аплодисментов. Она покраснела и стала совсем непривлекательной. Учитель же тем временем ухватил другую партнёршу и самозабвенно танцевал с ней. Девушка была чрезмерно высокой, ростом почти с него, и её длинные руки и ноги не успевали складываться в такт музыке, но странные инстинкты, руководившие этим человеком, заставили его в конце концов поднять и её руку, оповестив всех о новой кандидатке в лучшие танцовщицы школы. От намётанного голубого глаза Руслана не ускользнула перемена, произошедшая в лице Афсаны. К следующему уроку она старательно выучила подцепленное где-то на просторах интернета соло и даже нашла момент продемонстрировать его, но ни восторга, ни даже малейшего интереса ни у кого не вызвала, бедняжка.

– Всё, дальше сами думайте! – подмигнул Байраму Руслан и скрылся куда-то. Байрам остался стоять на месте в полной растерянности, потому что рассказ показался ему бессмысленным. Чтобы голова не лопнула от непосильных рассуждений, Байрам цапнул какую-то девушку и начал отрабатывать движения, которые Учитель дал на уроке. В какой-то момент он страшно смутился и перепугался, потому что ему показалось, будто он увидел в зеркале Учителя, стоящего прямо позади него и наблюдающего за его потугами, но, обернувшись, Байрам увидел только кубинца Лопе, спешившего по своим делам.

Руслан вообще любил сеять смуту – сказывались партийная молодость и привычка «причинять добро и наносить справедливость». Возможно, именно он и дал жизнь одному из ручейков, которые подпитали бурную реку дальнейших событий.

На дополнительном занятии, первом дополнительном занятии Бану, этот желчный человечек встал с ней в пару и совершенно заболтал, пытаясь выяснить всё о девушке – кто её родители, единственный ли она ребёнок в семье, и в довершение всего:

– В какой школе ты учишься и куда хочешь поступать?

Бану ожидала этого вопроса и поэтому заранее расшаркала, а когда вопрос действительно был задан, злорадно ответила:

– Я уже давно окончила магистратуру! – и насладилась реакцией. Месть за излишне моложавый облик последовала незамедлительная и страшная. Руслан кивнул на Веретено, которое, проникновенно положив руку на кругленьким свои живот и надув лиловые губы, танцевало в середине зала, и обратился к Бану:

– Это ты спрашивала про его жену?

– Я? – удивилась Бану, которая никогда и никем, кроме самой себя, не интересовалась. – Нет, я не спрашивала. – И она придала своему лицу выражение полного безразличия. Но Руслан неумолимо продолжал:

– Вон она, танцует с Джаванширом. – Бану покосилась в ту сторону и увидела плохо танцующую женщину с поразительно кислым выражением лица, о которой нечего было сказать. Бану пожала плечами и постаралась сохранить нейтральный вид. Впоследствии её очень забавлял тот факт, что она действительно старалась притвориться, будто ей всё равно, хотя ей и в самом деле было всё равно. Так кристально чистый, законопослушный гражданин при виде полицейского принимает принуждённо невинный вид, отчего начинает выглядеть, как самый отъявленный жулик.

– Нет, ну ты представляешь, какой старый подлец! – возмущалась Бану, то и дело оглядываясь – вдруг кто из знакомых позади идёт, – когда они с Лейлой возвращались с занятия. – С таким ехидным видом сообщил мне про жену

Веретена, как будто мне не всё равно!

– А ведёт себя, как холостой мужик в активном поиске, – заметила Лейла, прыгая рядом с Бану, которая продолжала кипятиться:

– Да какое мне дело до его жены? Я и запомнить-то, как она выглядит, не смогла!

Но какой-то маленький червяк заполз в душу Бану и начал отравлять её продуктами своей жизнедеятельности: Бану очень не любила женатых мужчин. «От женатого мужчины веет тоской и безнадёжностью», – говорила она. От глупого, шумного, активного и не в меру весёлого Веретена тоже повеяло чёрной тоской, и было в этом что-то противоестественное. Как будто Бану подошла к столу, уставленному яствами, но все они оказались лишь муляжами.

Почти у самого дома к ней прицепилась загорелая до чумазости цыганка. Она шла за Бану, дёргала за рукав и выводила её из себя непрерывным бормотанием:

– На женатого думаешь, на женатого думаешь... Всё тебе, красавица, расскажу, остановись, послушай...

Фатьма нашла в комнате Афсаны джаду[3 - Страшное слово. Универсальная угроза для, например, соседки, с которой у вас произошёл скандал. Обозначает разного рода порчи и проклятия (прим. авт.)]. Не то чтобы она его намеренно там искала, нет, просто она устроила небольшой осмотр вещей племянницы: вдруг та вела какой-нибудь тайный дневник. Хотя в наше время роль таких дневников исполняют социальные сети, но мало ли что. Подобного Фатьма не ожидала, но на полке, за скудной стопочкой новомодных книг, завёрнутые в тряпицу, были спрятаны чёрные куриные перья, пропитанные кровью и настоящим «волчьим жиром». Это было так мерзко, что даже выдавшую виды Фатьму передёрнуло: в отличие от многих дилетантов, она знала, что называют «волчьим жиром» – вовсе не сало с откормленного волка, а сок могильного червя, наевшегося человеческим трупом, который можно добыть только в ходе рискованной и малоприятной экспедиции на кладбище. Смажьте одежду жены «волчьим жиром» – и муж возненавидит её, отвернётся от неё и смотреть на неё больше не пожелает. Смажьте этим жиром дверь дома своего врага – и вы

изведёте его вместе со всей его семьёй. Сейчас этот ценный ингредиент для проклятий почти невозможно достать: люди уже не так храбры, как в былые времена. В большинстве случаев плохо осведомлённому заказчику просто подсовывают жир какого-нибудь животного, пользуясь лингвистической неразберихой. Правда, у некоторых и он работает отменно, ведь главное в таких делах – сила воли и ядерная мощь эмоций. Но если уж кто-то не поленился сходить на кладбище и разрыть могилу, собрать трупных червей – или заплатить за это, – значит, нужда была острой, как жажда самой жизни, значит, у Афсаны был не просто недоброжелатель, но лютей враг. Ничего не сказала Фатма ни сестре своей, ни её мужу, а находку забрала к себе домой – потом она сядет за свой круглый стол, покрытый старой скатертью, закроет глаза и посмотрит, кто сотворил такое, кто навёл страшную, неотвратимую порчу на её племянницу. Кто мог пожелать ей зла, бедная девушка, совсем некрасивая, скромная, даже бровей не выщипывала и гулять не ходила, всё дома сидела, бозбаш[4 - Дословно – серая голова. На самом деле – суп (прим. авт.).] варила. Когда Фатьме сказали, что Афсана занялась танцами – да ещё какими! – она поверить не могла. А история с коктейлем! Родители её клялись, что Афсана сроду спиртного в рот не брала, и Фатма точно знала, что правду говорят.

В углу комнатки стоял старый компьютер. Фатма недолго думая включила его, и после некоторого сопротивления, которое все электроприборы обычно оказывали ей, он в итоге уступил и заработал. Рабочий стол компьютера украшали обои с разноцветными котятками. Проглотив ком в горле, Фатма принялась методично просматривать все файлы, которые содержались в папке «Мои документы», а затем зашла на Facebook. Страница Афсаны была полна загадочных статусов на русском языке, явно позаимствованных с просторов интернета и повествовавших в основном о любви. «Сальса, всё дело в ней», – сказала себе Фатма, разыскивая страницу клуба среди многочисленных интересов племянницы (странички с названиями «Нежность, которая между нами», «Самые красивые слова великих людей», McDonald's, «Я люблю путешествия», «Горячий шоколад», «Прикольные котята», «Заниматься сексом» – Вай-вай-вай! – не удержалась от возгласа Фатма). И вот наконец она – страничка школы! Судя по количеству «лайков», школа пользовалась огромной и всё возрастающей популярностью. Фатма нажала кнопку, подождала три минуты, прокляла провайдера интернета и тут же забыла о нём. В комнате резко потемнело: какое-то шалое облако заслонило солнце. Страничка наконец открылась, и на обложке Фатма увидела фотографию, на которой были запечатлены самые разные люди. Но глаза Фатьмы были прикованы лишь к одному. Она зажала рот рукой, выдернула шнур компьютера из сети и выбежала из дому.

Море отступило ещё дальше. Кажется, никого, кроме Бану, это не волновало. Ей же грезились великие катастрофы, огромные и прекрасные катаклизмы, которые внесли бы оживление в скучную и вялую жизнь столичного города, с трудом толкающего по своим венам тягучую массу озлобленных людей, каждое утро пытающихся попасть на работу, чтобы к вечеру заработать денег на дорогу домой... Уже стало видно канализационную трубу, которая раньше была скрыта под непрозрачной водой, и предательски шумела вытекавшая из неё бурая смесь. Под бордюром, отделявшим море от суши, обнажился полумесяц из песка и камней, окаймлённый бахромой сухих почерневших водорослей, и толстые белые чайки с криками топтались на этом новом пахучем полуострове. Теперь можно было яснее разглядеть «Баиловские камни», остатки продолговатой крепости Сабаиль, выступавшие из морской воды. Когда-то крепость прочно стояла на суше, и её пятнадцать башен гордо смотрели во все стороны света, то ли поджидая врага, то ли высматривая караваны, следовавшие по Шёлковому пути, то ли храня сакральные тайны своих жрецов. А потом пришло море. Полвека назад оно отступило настолько сильно, что до крепости можно было пройти пешком, и тогда кучка учёных быстро произвела обмеры, а обломки роскошного резного фриза, украшавшего маленькую крепость, увезли во Дворец Ширваншахов, где и сейчас их может увидеть каждый желающий.

Бану мечтала о величественных цунами, а её личное цунами настигло её в лице Веретена. У каждой катастрофы бывают предвестники, будь то странное поведение птиц и зверей, или внезапный отлив, или небо, приобретающее не свойственный ему цвет. Но лишь тот, кто живёт в ожидании катастрофы, способен разглядеть эти знаки. Остальные порхают беспечно, как бабочки, и знамения беды касаются их сознания самым краем, вызывая порой лишь лёгкое беспокойство и мысль: «Интересно, будет ли всё так же хорошо завтра?» Бдительная Бану ощущала некую смутную угрозу со стороны Веретена. Оно проявляло к новой ученице повышенный интерес и не скупилось на комплименты: «Красавица, наша сладкая красавица, у тебя большое будущее». «Знаю, – мысленно отвечала Бану, – да только не в танцах, не здесь и не с тобой». И вежливо улыбалась ему.

Однажды, это было в самом преддверии зимы – до конца света оставалось тридцать два дня, – Веретено в конце урока почему-то устроило показательный танец с Бану, хотя она была не совсем готова к этому. Она волновалась, чувствуя на себе пристальные взгляды, и знала, что, возможно, её дальнейшая популярность зависит от этого танца. Он пощадил её и делал лишь самые простые движения, которые Бану знала. Весёлая, до неприличия беззаботная

музыка набирала обороты, когда Веретено, интимно понизив голос, предупредило: – Сейчас будем акробатику делать.

– Сейчас?! – в испуге пискнула Бану. «Боги, на мне же нет специальных штанов под юбкой!»

Веретено пробурило её чёрными, как межзвёздная пустота, глазами, и тихо приказало:

– Не бойся.

И неожиданно подхватил её, как торнадо, как взрывная волна, перевернул – Бану успела только еле слышно ахнуть – и поставил на место, аккуратно, словно ничего и не было. Но мир перевернулся на триста шестьдесят градусов, а это значило, что он уже никогда не будет прежним. Бану охватило что-то вроде эйфории. Она привыкла переворачиваться сама, полагаясь на силу собственных рук, таких верных, надёжных и знакомых, но никогда ещё не распоряжались её телом чужие сильные руки. Веретено показало ей себя с неожиданной стороны. В принципе, Бану уже готова была примириться с покалеченными фразами, которые выскакивали из его рта, как жабы и змеи изо рта заколдованной злой сестры, и перестать испытывать к нему презрение.

Ученики завизжали от восторга и захлопали. Сквозь гвалт Бану едва сумела докричаться до Веретена и задать единственный интересующий её вопрос:

– Я не слишком тяжёлая? – Она бы, верно, провалилась со стыда под фундамент, если бы хоть на секунду допустила мысль, что он считает её чересчур массивной.

– Нет. – Веретено ласково засмеялось. – Я же сильный. А ты не видела, как я акробатику делал с Айнуром, – «с Айнур», мысленно поправила его Бану, – и с Юлей? Я поднимал их обоих, – похвастался он. «Обеих», – устало подумала Бану.

– Нет, не видела.

– Видео тоже не видела?

– Кажется, видела, – соврала Бану, не желая окончательно расстраивать его.

– Где видела? Напиши мне на Фейсбуке вечером, я тебе pošлю. – Веретено воодушевлённо помахало ручками.

– Обязательно, – заверила его Бану, улыбаясь, как пиранья. Веретено думал, что она давно уже добавилась к нему в друзья, а она вовсе не собиралась вступить с ним ни в какие околodружеские отношения. Из всех семидесяти тщательно отфильтрованных друзей, которые были у неё в сети, шестьдесят восемь добавились к ней сами. Ей даже стало заранее жаль Веретено, когда она смотрела в спину ему, в приподнятом настроении направлявшемуся в кабинет, хотя, сказать по правде, оно забыло об этом разговоре уже через две минуты. Но всё же вечером из любопытства Бану впервые посмотрела его фотографии, тысячи разных снимков, сделанных верными учениками. Её поразило обилие поистине восточной лести, которую выливали на него поклонницы (ну и поклонники). Кое-кто из восторженных домохозяек даже написал ему: «Вы моя куколка!» У Бану зачесались руки приписать: «Куколка, которая никогда не станет бабочкой». Она сделала глубокий вдох и ушла со страницы, чтобы не впасть в дьявольское искушение.

Всё это случилось в четверг, а в пятницу, под утро, Бану приснился сон. Во сне этом фигурировало Веретено, и его губы, о да, в основном – его губы, полные, фиолетовые, как рейхан[5 - Базилик.], и удивительно мягкие. Эти губы дарили ощущения неизведанные и такие яркие, словно поцелуй происходил не во сне, а наяву. Сон оставил приятное послевкусие, и Бану была поражена до глубины души – ведь ей понравилось, а сны с четверга на пятницу, как известно, сбываются. В свои двадцать три года одуревшая от тотального отсутствия каких-либо мужчин в своей жизни («Мужчины – это такие прекрасные, волшебные существа, о которых все говорят, но которых никто никогда не видел»), она поняла, что хочет, чтобы сон этот сбылся. Ей вспомнился запах Веретена. Аромат, который заполнял всё пространство под сводами подвала, словно живое существо.

У Бану были недостатки, но никто никогда не упрекнул бы её в том, что она не честна с собой. Она не стала рассуждать и задумываться над тем, почему так резко, за одну ночь и даже без ведома её разума, изменилось её отношение к этому созданию, с которым они явно стояли на разных ступенях эволюционного развития. Стоило бы потянуть за многочисленные нити, которые, начав пряться в разных концах реальности, спутались в клубок переполоха в сердце Бану:

злокозненное откровение Руслана, цыганские предостережения, чрезмерный энтузиазм самого Веретена. Но ей не хотелось ничего анализировать. «Да, это так, я пошла туда, чтобы найти свою любовь, и я наконец её нашла», – сказала себе Бану и полетела в этот вечер на танцы на широко распахнутых крыльях. Она даже не заметила, что софора японская, что росла возле дома и заглядывала прямо в окна квартиры, зацвела – одна среди своих сородичей, второй раз за год и в неположенное время.

Гюнай снова начала писать стихи. Последние свои стихи она сочинила в шестнадцать лет, когда жизнь казалась ей ужасной, никто её не понимал, мир был жесток и бездуховен, и лишь она одна была настолько возвышенна, что сидела по ночам на подоконнике и смотрела на звёзды. Никаких звёзд в городе, конечно, видно не было, но Гюнай хотелось верить, что они светят где-то там, в глубоком бархатном небе. Теоретически. Потом она поступила в университет, погрузилась в налаживание отношений с руководством, вела общественно полезную работу по сбору денег (некоторые преподаватели перед экзаменами превращаются в настоящих языческих божков, требующих жертвоприношений), и ей стало не до стихов и прочей ерунды. Она чувствовала себя взрослой, рассудительной девушкой. Тетрадь со стихами была заброшена в самую глубину ящика письменного стола, вместе со шкатулкой, полной школьных записок. Иногда эти детские сокровища попадались ей на глаза, и тогда Гюнай удивлялась себе, ей даже становилось немного стыдно, но вышвырнуть всё это духовное наследие в мусорное ведро рука не поднималась.

А теперь вот стихи начали выскакивать из Гюнай, как икринки из рыбы в известный период. В них она непрестанно жаловалась, хотя сама не могла понять – на что. Чувствуя себя неудобно, словно она была, как это называется, падшей женщиной, Гюнай специально оставляла исписанные листочки по всему дому. Но Халил работал на двух работах, и ему не было никакого дела до того, что там разбросано по квартире. Однажды Гюнай подошла к нему и сказала:

– Я снова пишу стихи, знаешь?

– Ты писала стихи? – Халил оттащил ребёнка от своего ноутбука.

– Да. У меня есть целая тетрадь стихов.

– Супер. – И он ушёл с головой в интернет.

Гюнай задрожала от обиды и негодования. Ей хотелось закричать: «Если бы ты поинтересовался творчеством своей жены, то узнал бы, что со мной происходит, но тебе наплевать!» Вместо этого она наорала на ребёнка, который засунул телефон в рот, а ведь это была самая последняя, дорогая и популярная модель. Вот тут Халил немного удивился:

– У тебя что, голова болит? Прими таблетку. Я тут в новостях прочитал, что сейчас на Солнце сильные магнитные бури. У метеочувствительных людей могут быть мигрени.

– У меня никогда не было мигрени.

И Гюнай заперлась в ванной комнате. Надо было успеть выпрямить волосы перед уроком.

В тот день она ходила по школе с таким выражением лица, что Учитель подскочил к ней и приобнял за плечи своим характерным собственническим жестом (иногда он вообще опирался на какую-нибудь невысокую девушку, как на костыль).

– Что случилось, почему мы без настроения сегодня?

Лицо Гюнай волшебным образом преобразилось, словно с него спала чёрная вуаль. Она ласково улыбнулась.

– Что такое? – продолжал любопытствовать Учитель. – С мужем поругались?

– Всё хорошо, – слабым голосом ответила Гюнай. – Как пришла на сальсу, сразу стало хорошо!

Чтобы закрепить результат своей душеспасительной деятельности, Учитель поцеловал её в макушку и сразу убежал за кем-то ещё. Гюнай осталась стоять на месте, улыбаясь как ненормальная и пытаясь подавить в себе смутную тревогу.

Дома, причёсываясь перед сном у зеркала, Гюнай заметила, что в гуще тёмно-каштановых волос объявилась предательская седая прядка, совсем тонкая, и всё же очень красноречивая.

Бану пересказала Лейле свой сон.

- И как это было? - поинтересовалась та. Бану на секунду задумалась.

- Как будто устрица пыталась съесть мои губы.

- Фу, - сказала Лейла и прибавила с цинизмом будущего патологоанатома: - Но попа и ноги у него классные!

- Не расчленяй его раньше времени.

Весь день Бану думала о Веретене, пытаясь восстановить по памяти его облик, который постоянно от неё ускользал и потому уже успел обрасти несуществующими чарующими подробностями. Предвкушение встречи было сладким и пугающим, как чувство падения. И вот Веретено подошло потанцевать с ней. Бану смело подняла взгляд, который обычно упирался куда-то в область его декольте, на его лицо. Близко посаженные чёрные глаза смотрели на неё в упор. «Ой, мамочки, он всё-таки страшный!» И она снова уставилась куда-то в «ложбинку греха», которая обозначалась у него очень отчётливо благодаря накачанным грудным мышцам.

- Смотреть надо на партнёра, когда танцуешь, - сказала Веретено, с лёгким смущением проследив за направлением её взгляда, и расстегнув пуговицу на рубашке.

- Глазам больно смотреть на такую красоту, - брякнула Бану и быстро засмеялась, чтобы её слова не показались ни издевательством, ни правдой. Веретено вздёрнуло одну бровь. Затем, поразмыслив, расстегнуло ещё одну пуговицу. Бану начала млеть. словно хрупкое насекомое с прозрачными крыльями, попавшее в лист росы, она почувствовала себя парализованной, окутанной отвратительной липкой нежностью, которую излучало всё его существо.

Когда она заглянула в кабинет, чтобы внести оплату за следующий месяц, Веретено задержало её разговором:

- Бану Балиева... Балиева. - Он водил указательным пальчиком по списку имён в журнале. - Редкая фамилия. Вы, случайно, не...

- Нет, - ответила Бану раньше, чем Веретено закончило вопрос. Его лицо стало растерянным от непонимания.

- Что - нет?

- Ответ на вопрос, который вы собираетесь задать, - нет. - Бану откровенно забавлялась.

Веретено приобрело ещё более глупый вид, не будучи привыкшим к такой сообразительности. Но всё же он решил упрямо задать свой вопрос:

- Ты, случайно, не родственница Фарру ха Балиева?

- Нет, - устало ответила Бану. Какие же люди предсказуемые! Все, кто слышал её фамилию, спрашивали о том же.

- Ясненько. А что вам подвигало пойти на сальсу?

Бану ответила, что это было спонтанное коллективное решение. Веретено заметно огорчилось, столкнувшись с непонятными словами, и задало другой вопрос:

- Ну а вообще есть желание продолжать?

- Конечно, - поспешила успокоить его Бану. «Ещё бы, не так часто к нему заявляются танцовщицы с моей подготовкой, небось мечтает, как я во славу его школы ломаю метафорические копья на состязаниях».

Попрощавшись, она вышла. Группа танго уже разминалась во главе со второй помощницей Веретена - отставной балериной непонятных лет (это в её исполнении разминка в своё время привлекла Бану, с ностальгией вспомнившей

ненавистные уроки хореографии). В дверях Бану столкнулась с очкастой женщиной, у которой волосы стояли дыбом и были похожи на метлу дворника. Эта прелестная нимфа стремительным шагом, согнувшись и грохоча сапогами на толстой подошве, направилась в раздевалку. «Не хотела бы я столкнуться с ней в словесном поединке», – подумала Бану и ещё раз заглянула в зал, надеясь полюбоваться Учителем на дорожку. Ей показалось, что кабинет, где сидело Веретено, полнится беспокойными тенями, в отчаянии бросающимися на стены, но Веретено вышло оттуда в одиночестве и потушило за собой свет.

Её звали Сабина. Она была третья Сабина в своём школьном классе, пятая Сабина в университетской группе и, к счастью, единственная Сабина на работе. В солидной компании её знали все – она служила секретаршей. Носатая, кривоногая, похожая на тощую всклокоченную ворону в своих вечно чёрных одеждах, она шныряла по офису, истоптала ногами все лестницы – лифты она люто ненавидела, возникала неожиданно перед людьми, как призрак. С ней старались не говорить подолгу, потому что в любой невинной фразе она замечала какой-то неприличный подтекст и страшно негодовала. Всё потому, что совесть у Сабины была нечиста: вот уже год как она сгорала от страсти к своему шефу, молодому рыхлому папенькиному сынку с внешностью жертвы инцеста. Сабина обволакивала его своим вниманием, словно кисель желудок, постоянно готовая услужить. Шеф, как и все остальные сотрудники, старался лишней раз её не замечать: Сабина его пугала. Сквозь вечно заляпанные линзы очков она бросала на него долгие испепеляющие взгляды, когда он запирался в кабинете с очередной смазливой сотрудницей. По ночам она отводила душу в написании эротических рассказов с участием шефа, его любовниц и себя, причём в конце добродетель всегда торжествовала над пороком. Эти рассказы Сабина публиковала в сети и имела большой успех у читателей. Так и проходила её жизнь: до шести вечера – в ревности, надеждах и метаниях, после шести – в сладострастном забвении творчества, в излиянии своих тёмных желаний на податливые и благодарные просторы интернета.

Такое положение дел Сабину вполне устраивало, пока одна из дамочек, с которыми проводил время объект её страсти, не стала появляться на горизонте слишком часто. Тогда Сабина не на шутку встревожилась: вдруг шеф наконец познал любовь? С маниакальной педантичностью секретарша начала собирать сведения об этой вертихвостке. К счастью, Лала (так звалось новое увлечение) питала слабость к дешёвой популярности, а это означало открытый профиль на Facebook, возможность добавиться к ней в друзья (количество «друзей» Лалы

перевалило уже за тысячу) и ежедневные отчёты о местонахождении. Благодаря своевременно выставленным фотографиям Сабина даже знала, что Лала ест на обед и когда посещает сортир. Она добавилась к сопернице в друзья, понаписала ей не в меру льстивых комментариев под фотографиями и тихо её ненавидела. Каждое напечатанное Сабиной «Ай, машаллах, какая красавица!» можно было прочесть как «Желаю сдохнуть в мучениях».

Лала оказалась танцовщицей. С детства она занималась бальными танцами, и любовь всей Сабиной жизни увидел Лалу именно в тот момент, когда она исполняла аргентинское танго со своим партнёром на республиканском чемпионате, куда его, на свою беду, затащила прежняя пассия. Как Сабина ухитрилась прознать о деталях знакомства Лалы и шефа, остаётся загадкой. Впрочем, она была умнее, чем можно было бы предположить, глядя на её экстравагантную внешность. И никогда не сдавалась. Поэтому, подумав и даже сочинив в процессе очередной рассказ, она решила заняться танцами. В интернете Сабина вычитала, что танцы очень способствуют пробуждению женской энергии.

Когда она впервые ступила под своды подвала, под её кожей прошла странная вибрация. «Женская энергия начала пробуждаться, даже не дожидаясь, пока я затанцую», – подумала Сабина и двинулась на звуки человеческих голосов. В дверях зала она столкнулась с миловидной русоволосой девушкой, их глаза встретились, и внезапно Сабина с потрясением узнала этот взгляд: точно такой же безумный, подозрительный, горящий взгляд она видела каждый день в зеркале. Потом девушка с явным облегчением отвела глаза, очевидно, оценив всю превосходящую ожидания степень привлекательности Сабины. Последняя была заинтригована. Ну а потом она забыла обо всём. Потыкавшись наугад в разные помещения, она была в итоге отправлена прямо к Учителю. Он обрадовался ей, как старой знакомой, и даже схватил за руку в порыве чувств. После этого вечно ледяные руки Сабины стали вдруг такими горячими, что, когда она вернулась домой и начала разделявать баранину, чтобы приготовить бугламу, куски бараньего жира растаяли прямо в её пальцах.

Бану успокоилась, но не до конца. Она ведь прекрасно знала, что дело вовсе не во внешности и даже эта непонятного возраста женщина, похожая на чёрную кляксу, может оказаться страшной, лютой соперницей ей, карамельно-сладкой Бану.

Лейле, этой милой маленькой девочке, всю следующую неделю пришлось терпеть страстные монологи подружки, наблюдать за её ревностью и умилением. «Язык киши[б - Бедный мужик (пер. с азерб.)], чего ты от него хочешь, его возраста уже деревьев не осталось», – упрекнула однажды Лейла Бану. Но это была неправда. Никто не знал, есть ли ещё в мире деревья возраста Веретена или нет, ибо оно, подобно старой куртизанке, скрывало свой возраст. Как-то раз – зима уже наступила, и до конца света оставалось восемнадцать дней – Веретено подставило попку к обогревателю, растолкав тех, кто жался вокруг единственного источника тепла, с весёлым видом: «Дайте погреться, я всё-таки старый дяденька», – и принялся не по-мужски сюсюкать с равнодушным котом. И Бану вдруг поняла, что Веретено боится старости. Был это не абстрактный страх, вроде страха смерти у молодых, а тот горький страх, который возникает в человеке, который уже смотрит в глаза неотвратимой опасности. Паника. Ужас перед наступающим увяданием красоты и мужской силы, который он всё время пытался скрыть за весёлыми шуточками о старости.

Однажды он рассказывал о далёкой латиноамериканской стране, в которой когда-то побывал и откуда вывез целый ворох впечатлений. Из всех чудес, виденных им за границей, больше всего его поразили танцор и преподаватель сальсы, разменявший в то время уже седьмой десяток.

– И так он танцевал, – вещало Веретено, – что, я вам скажу, в нашей школе не все так станцуют. Я на него когда смотрел, прямо радовался. А я думал, что это я старый!

– Вы самый молодой! – завопила одна из восторженных фанаток. «Ты бы ещё свой безразмерный лифчик в него кинула», – подумала Бану.

– Ой, нет, я старый, старый! – кокетливо запротестовало Веретено, поигрывая мышцами груди.

Так некоторые южноамериканские индейские племена при землетрясении начинают танцевать, якобы из солидарности с танцующей Землёй-матерью. Может быть, своими шутками Веретено пыталось задобрить старость, а то и сглазить её? Так или иначе, выглядел он свежо и мило. А к ревности, ненависти и любви Бану, узнавшей его страх, прибавилась ещё и острая, как ланцет, жалость.

Порой ненависти в ней было больше, чем всего остального. Однажды, когда пришло время, как всегда, разбиться на пары, Веретено подхватило Бану за руку, но не успела она обрадоваться, как оно вдруг передумало и отдало её на растерзание Руслану, который зловеще заблестел стёклами очков. Весь остаток урока Бану провела с каменным лицом. «Жертва пластического хирурга-маньяка, рохля, баба, неуч», – с яростью думала она.

В другой раз Веретено не только танцевало с ней, но ещё и толкнуло длинную речь о том, что Бану ждёт большое будущее в танцах и что она «гарантированный чемпион», если для неё найдётся партнёр. Всё бы ничего, но при этом он не выпускал руки Бану из своей тёплой ладони, держал её крепко, сжимал её ледяные гибкие пальчики, а она стояла с каменным лицом, как всегда, не смея показать своих чувств, которые разрывали её изнутри, словно космический пришелец-паразит. После этой проникновенной речи, когда все танцевали под музыку, он сказал:

– Если для тебя не найдётся партнёра, я сам с тобой буду танцевать. Хочешь?

Это, конечно, был трёп такой же бессмысленный, как и всё, что он говорил, но всё равно настроение у Бану поднялось на весь оставшийся вечер. Она радовалась, когда он просто говорил с ней, даже если это была всего лишь одна фраза.

Придя домой, Бану захотела выпить чаю с шоколадом, но когда она открыла буфет, то увидела, что плитку по кусочкам растащили маленькие, но целеустремлённые муравьи, которые, прихватив с собой запас провизии, спешно покидали насиженное место и ровными колоннами уходили через всю кухню в приоткрытое окно.

Чинара готовилась к чемпионату со всей отдачей. Она была очень энергичной женщиной и всё делала со страстью, отчасти именно это становилось причиной её неудач на поприще любви. Она быстро подружилась с Учителем. Оба казались людьми открытыми и дружелюбными и отлично дополняли друг друга: она – напористая и грубая, а он – мягкий, вкрадчивый и неумолимый, как пожар. Очень скоро Facebook заполнился их совместными фотографиями, на которых они крепко обнимались и были похожи на счастливую семейную пару. Оба выглядели несколько моложе своих лет, и это объединяло их на интуитивном уровне.

Партнёр Чинары, Хафиз, был юн и свободен – ценное сочетание, хотя и вовсе не редкое. К Учителю у него, судя по всему, было излишне страстное отношение, и он постоянно говорил о нём что-нибудь ехидное. Однажды, критически оглядев его аэродинамическую фигуру, Хафиз шепнул Чинаре:

– Что-то он потолстел. Попа стала как у медведя.

Через пять минут Хафиз вышел на улицу покурить, и в рот ему залетела муха, которую он от неожиданности проглотил. На следующий день Учитель пришёл похудевший и помолодевший ещё лет на пять. Чинара поглядела на него с интересом, а потом заговорила с ним о делах: не нужны ли ему спонсоры для проведения чемпионата в Баку? Она – владелица салона красоты и могла бы организовать призы для участниц женского пола. Учитель выслушал её благосклонно и, недолго поразмыслив спинным мозгом, согласился – его очень радовала мысль о сокращении расходов. Тем более что отказывать женщине с таким выражением лица практически никто не отваживался. Разве что бывший муж, да и тот поплатился за свою строптивость. Когда-то он пытался обуздать темперамент своей супруги и даже изменял ей в назидание, чтобы знала своё место. Чинара развернула настоящую кампанию против бедняги, умудрившись настроить против него всех знакомых и даже его родную мать, переписавшую квартиру на невестку, которая собственными руками делала ей педикюр. Кончилось тем, что несчастный отверженный сунул голову в старую духовку и пустил газ. Только газ скоро отключили во всём районе, а вместе с ним заодно и воду. Бывший муж очнулся от воплей соседей, да ещё участковый полицейский содрал с него немаленькие деньги за небезопасную для окружающих попытку суицида. «Ничего не может сделать без меня, даже с собой покончить», – удовлетворённо заявила Чинара.

Они посвятили репетициям всё своё свободное время, танцевали во время уроков в коридоре, между уроками, оставались до одиннадцати вечера. Хафиз вёл неплохо, а Чинара вкладывала в танец всю душу, извивалась, как змея в линьке, словно пыталась выскочить из одежды без помощи рук. Как-то раз в школу зашла женщина с маленьким ребёнком, они наткнулись на танцующих бачату Хафиза и Чинару, женщина вскрикнула и закрыла ладонью ребёнку глаза. Словом, уже заранее всем было ясно, кто должен победить.

По ночам, когда в школе оставалась лишь пара мужчин, бравших у Учителя частные уроки народных танцев, подвал обретал странную гулкость, заставляя Чинару поёживаться. Таинственный холод, который источали стены, пробирался

под кожу и оставался там, а звук падающих капель на грани слышимости придавал школе дух необитаемости. Как-то раз, задержавшись до одиннадцати часов в маленьком зале, Чинара увидела, что из не приметной щели в полу сочится вода. За первой маленькой волной последовала вторая, такая же маленькая, но очень решительная, и очень скоро в углу комнаты образовалось пульсирующее озерцо, а вода всё прибывала. Чинара побежала искать тряпку, нашла чью-то майку, но, вернувшись, увидела, что нет никакой воды, и даже пол был сухой.

Бану вспоминает. Вот ей пять лет, мама отвела её в балетную школу, и дети, наворачивая под музыку унылые круги по залу, хлопают ладошками и топают ногами. Но Бану это не нравится, она ведь не заключённый на прогулке по тюремному двору, чтобы ходить по кругу! Она выбегает на середину зала и начинает танцевать сама, как ей хочется. Её никак не могут успокоить. Преподавательница отводит Бану к матери и говорит, что этого не умеющего себя вести ребёнка больше приводить не надо.

Ей десять лет, и она вместе с другими девочками бродит за кулисами театра. Там темно, и на обратной стороне задника колышутся огромные фантастические тени, а над головами девочек висят странные механизмы. Театр ещё не совсем достроен, но в нём уже идёт какой-то сборный концерт, на который их согнали в воскресный день. На девочках пёстрые костюмы, и они похожи на райских птиц. Райские птички порхают туда-сюда, хихикают и украдкой подглядывают за взрослыми танцорами. Тринадцать лет прошло с того дня, но Бану готова поклясться, что встречала его там, Веретено. Тогда он ещё наверняка танцевал сам – сколько лет ему было, тридцать? При мысли о том, что она могла видеть его, дико отплясывающего в национальном костюме, и не обратит внимания, Бану завывала и укусила себя за руку.

Выходя из дому, она дрожала от непонятного страха и продолжала дрожать, пока не добиралась до школы. Бану проходила мимо её открытых окон и слышала голос Веретена. Ей удавалось определить его настроение по интонации, с которой он говорил или даже просто считал. Иногда он казался грустным или раздражённым, и Бану удивлялась: у кого же хватило совести его обидеть и чем можно было бы его утешить? К сожалению, утешителей хватало и без неё. Обожатели и друзья не оставляли его в покое ни на секунду. Перейдя множество опасных дорог, по которым машины ездили без какой-либо видимой системы, Бану оказывалась перед зданием школы, терзаемым поселившимся

здесь ветром. Она осторожно спускалась по опасной лестнице, ступала в подвал, и её тут же обволакивал волшебный запах, который действовал на неё успокаивающе. Ей всегда ужасно хотелось узнать, чувствует ли кто-то аромат Веретена, кроме неё, но, конечно же, спрашивать об этом кого-то было бы слишком неудобно. Бану спокойно шла в раздевалку и там, переодеваясь, подслушивала разговоры, в которых нередко упоминали Учителя, с большим благоговением, надо сказать.

Урок начинался с разминки, которую обычно вела Динара, помощница Веретена, женщина, которой могло быть как двадцать лет, так и сорок. Бану на всякий случай обращалась к ней на «вы». Учеников было так много, что иногда Бану не доставалось места у зеркала, и, делая наклоны в разные стороны с раскинутыми руками, она случайно касалась чьих-то пальцев. Это действовало на нервы. Само Веретено редко удостаивало разминку своим присутствием, но если и появлялось – где-то в последних рядах, в бриджах и майке непременно без рукавов, чтобы подчеркнуть красоту рук и плеч, – то внимание учеников уже было приковано к нему, лениво изгибавшемуся всем своим упитанным телом. Обычно он сидел в кабинете или сновал туда-сюда из зала в коридор по своим таинственным и, надо полагать, бессмысленным делам. Была у него одна особенность, которая удивляла Бану больше прочих: Веретено умело исчезать и появляться незаметно. Она могла не сводить глаз с двери, ожидая его появления, а он вдруг возникал в другом конце зала. Бану долго ломала голову над этим трюком, но так ни до чего и не додумалась.

После разминки они танцевали бачату, которую Бану невлюбила сразу же. Её повергала в ужас мысль, что кто-то может просунуть колено между её бёдер и танцевать в этом положении, будто так и надо. «Что за дела? Бачату надо танцевать с любовником! Ну или, по крайней мере, с тем, кого не отказалась бы видеть своим любовником! Почему я должна прижиматься к этим уродцам?» – горячилась она. И всё же любовь требовала гекатомбы. Сколько же потных, ледяных лап ей пришлось перещупать, и всё в надежде на то, что однажды она вложит свои руки в тёплые уютные ладони, вдохнёт, как кислород, запах Веретена, полюбуется игрой бликов света на его шелковистой коже, сдержанно улыбнётся, глядя на его смешное хорёчье лицо.

Бачату Учитель танцевал только со своей помощницей. Потом, когда начиналась сальса, она уходила и забирала с собой тех, кто ещё был недостаточно готов, чтобы учиться у Веретена, и тогда оно выбирало партнёршу из учениц. Это всегда был волнующий момент для женщин. Некоторые молча надеялись,

другие, те, кто знал его давно, сами предлагали себя. Веретено выбирало только из лучших, и Бану ненавидела их. Время от времени он толкал одну и ту же речь:

– Внимаем сюда! Когда танцуете, смотрим на партнёра. Это всем касается! Вот я танцую со своим партнёршей. Я танцую для неё, и она для меня в этот момент – самая-самая! Это называется мастерство актёра.

Слушатели и правда благоговейно «внимали». А Бану стояла с отсутствующим видом и представляла себе Веретено в детстве. Вот он, маленький страшноватый мальчик, посмотрев балет по телевизору, мастерит себе из бумаги пачку балерины, надевает её и вертится перед зеркалом. И тут его за этим позорным занятием застаёт отец, мужчина суровый, старой закалки. Отвесив сыну несколько крепких оплеух, он говорит: «Если так хочешь танцевать, иди и танцуй мужские танцы». И Веретено становится «народником». Бану почти уверена в правдивости своих фантазий. Но её безмерно печалит то, что она никогда не узнает наверняка.

Иногда Веретено, не выдержав, исполняло женскую партию, чтобы показать неуклюжим девушкам, как надо двигаться. Роль партнёрши давалась ему гораздо лучше, чем мужская, в ней он выглядел изящным, а плавность и мягкость его осторожных движений смотрелись органично. Мимо окон школы часто проходили празднующиеся парни, приехавшие в город из глухих деревень. Увидев в подвале двух танцующих в паре мужчин, они начинали издавать пронзительные вопли, как макаки, подвергшиеся нападению ягуара. Веретено с его поразительной терпимостью к людям только хихикало и кричало по-азербайджански: «Добро пожаловать, заходите к нам!» — и махало им могучей ручищей. Услышав это громогласное приветствие, чахлые бездельники, чьи рост и фигуры сильно пострадали в результате многовекового близкородственного скрещивания, пугались и убегали. От их неизбежного присутствия возле школы асфальт был заплёван с особым усердием. Причина состояла в том, что неподалёку в разваливающемся двухэтажном доме сохранилась с незапамятных времён чайхана. Там подавали чай в стаканах «армуды», имевших форму женской фигуры, – чай, прошедший многочасовую термическую обработку в кипящей воде и утративший остатки вкуса, чай, из которого вытрясли всю информацию. На колченогих столах висели клеёнки и стояли пластмассовые сахарницы с неровными кусочками сахара, похожими на неотполированные глыбы мрамора. Над сахарницами кружилось в народной пляске тысячное поколение мух. Сюда приходили старики, чтобы играть в

нарды, обсуждать падение нравов в стране и провожать немногочисленных проходящих мимо девушек липкими взглядами, и бешеные от отсутствия интимной жизни юноши. Иногда кто-нибудь из утомившихся танцоров в дни великих подготовок к чемпионатам заказывал чай из чайханы прямо в школу, что по какой-то непонятной причине раздражало Веретено, которое вообще-то отличалось милым и добродушным характером. Но с посторонним чаем в школе он боролся. Однажды он особенно сильно разозлился, и стакан лопнул прямо в руке ученика, заказавшего чай. Впоследствии тот утверждал, что от испуга слишком сильно сжал стакан, вот он и разбился.

В конце урока Веретено обязательно показывало всю пройденную связку целиком, а ученики толпились вокруг и снимали видео на телефоны. Вопреки собственным наставлениям, Веретено почти никогда не смотрело на партнёршу, а глядело оно куда-то поверх её головы, скорее всего, на себя в зеркало; танцуя, оно закусывало нижнюю губу, отчего ещё больше становилось похожим на хищного зверька. Бану заметила это однажды, просматривая видеозапись, которой с ней поделилась Лейла – сама Бану никогда не делала записей, – и долго смеялась с умилением. Позже выяснилось, что нельзя доверять этому расфокусированному взгляду: не глядя ни на кого, Веретено видело всех, наблюдало и запоминало. Казалось, и сами стены в школе следили за происходящим и доносили ему. Однажды в коридоре Бану говорила с Лейлой, уткнувшись лбом в её висок, отчего со стороны они походили на заговорщиц:

– Может, просто убить его и не мучиться? Для человечества это не будет потерей, а я бы почувствовала облегчение. Сил больше нет смотреть, как он бегаёт за разными бабами и хватает их за бока.

– Везде он лезет э, как сохулджян![7 - Дождевой червяк (пер. с азерб.).] – воскликнула Лейла.

– Что это такое?

И тут Лейла с ужасом поняла, что сама не помнит перевода этого слова. Бану продолжила прерванную мысль:

– Знаешь, я думаю, если отрезать ему голову, он будет, как курица, еще некоторое время бегать и танцевать без головы.

И вдруг из противоположного конца школы, из зала, неведомо к кому обращаясь, Веретено крикнуло:

– Нож у меня в кабинете!

Байрам переживал противоречивый период своей жизни. С одной стороны, он был верен до уныния и никак не хотел забыть несчастную Афсану. С другой стороны, он постоянно танцевал с самыми разными девушками, некоторые даже улыбались ему! Сначала он думал, что они смеются над ним, и опускал глаза в пол с недовольным выражением лица. Потом понял, что на самом деле они выражают своё дружеское отношение, и слегка раскрепостился. Дошло даже до того, что он осмелился повторить фирменную шутку Учителя: он во время исполнения одного из движений бачаты неизменно похрюкивал, чем каждый раз вызывал восторженный смех. Байрам тоже однажды хрюкнул во время танца. Его партнёрша – девушка, о которой Байрам думал, что ей шестнадцать лет, – вскинула на него недобрые глаза и сурово заявила:

– Тебе так не подходит делать. – Этот раздражённый выговор Байрам принял за милое кокетство, потому что считал девушек существами, неспособными сердиться и уж тем более показывать это. Поэтому продолжал хрюкать до тех пор, пока не началась сальса и девушка не бросила его, убежав к другому партнёру.

Видимо, Байрам был законченным мазохистом, потому что из всех девушек он выбрал ту, которая была самой недружелюбной, самой недоступной и самой неподходящей для него, – Бану. Когда она говорила, он не понимал и четверти слов, употребляемых ею, но продолжал лезть с разговорами. Он отправил ей запрос на дружбу в Facebook, который она не приняла. Она даже не помнила ни его лица, ни его имени, потому что почти все парни на танцах, увы, казались ей слепленными по одной болванке. Но Байрам привык к положению безнадежно влюбленного, любовь к Афсане закалила его и научила ждать. Очевидно, он решил дожидаться смерти Бану.

Про Афсану он тем не менее не забыл. Он продолжал копаться в её прошлом, вытащил на свет божий все её старые статусы:

«Счастье – это когда просто смотришь в глаза человека и понимаешь, что его искала всю жизнь».

«Сердце разбито... не подходите – поранитесь осколками».

«Ты никогда не будешь моим, но я навсегда запомню твоё дыхание».

«Любовь – это сказка, а сказка – обман!!!»

И далее в том же духе – Байрам даже прослезился – до самого последнего, выставленного за день до рокового прыжка:

«Просто помни, что я была на свете когда-то».

«Она кого-то любила, – проявил наконец Байрам чудеса сообразительности, – но кого?»

Побуждаемый в равной степени желанием разгадать загадку и почаще видеть Бану, Байрам пошёл на дополнительные занятия. Учитель иногда заставлял Бану становиться в пару с Байрамом, и это сделало парня ещё более преданным его поклонником. Он решил втереться к нему в доверие, чтобы Учитель разрешил ему всегда танцевать с Бану.

– Ты давно ходишь?

– Пару месяцев.

– Как это?!

Бану нервно пожала плечами, потом по неосторожности посмотрела ему прямо в глаза и скривилась в противной презрительной ухмылке. Байрам чуть не запрыгал от радости: она улыбнулась ему, он ей, наверное, нравится!

Когда музыка закончилась, а вместе с нею должен был завершиться и танец, Байрам попробовал придержать в своих мокрых пальцах безвольную руку Бану. Так всегда делал Учитель: объясняя что-то (иногда по пятнадцать минут), он не выпускал руки партнёрши, кем бы она ни была, держал эту руку, гладил, сжимал, словно бездумно. Но Байраму не удалось повторить этот фокус: только он попробовал скользнуть пальцем по ладони Бану, как та злобно вырвала свою руку, как можно незаметнее вытерла её о кофту, повернулась к Байраму спиной

и присела на низкий широкий подоконник, якобы чтобы отдохнуть. К ней тут же подлетел лысый молодой танцор по имени Джафар.

Это был занимательный субъект. Его Бану и Лейла встретили одним из первых, когда пришли в школу. Это его рука вписала их имена в журнал. Когда Бану проходила мимо Джафара, он сворачивал тощую жилистую шею, глядя ей вслед, особенно если она была в короткой юбке. Один раз он так засмотрелся, отрабатывая акробатический элемент, что забыл подставить руки запрыгивающей на него партнёрше, и та чуть не свалилась на пол.

Джафар попался в сети Учителя, когда ещё танцевал в ансамбле народных танцев под его руководством. Он был насильственно обучен сальсе и стал работать в школе танцев. Втайне Джафар ненавидел своего повелителя, он походил на строптивного раба, который только и ждёт удобного момента, чтобы прирезать господина и сбежать с его золотом. Под опеку Джафара попадали те, кто не был достаточно хорош для Учителя: полные тётушки в закатном возрасте, безнадёжно неповоротливые девицы со слишком большими ногами и руками, низкорослые малолетки, не научившиеся ещё краситься. Стараясь, как и многие, во всём подражать Учителю, Джафар лез к девушкам и даже к дамам в возрасте с поцелуями, щипками, тычками и прочими дикими выходками. Но то, что у Учителя выглядело мило и естественно (словно две подружки целуются в щёчки после долгой разлуки), Джафару придавало вид самого настоящего сексуального маньяка. Он угождал всем, всех поедал глазами, но... слишком часто они прижимались к нему своими разнообразными манящими телами, вся эта бачата, все эти поддержки с акробатикой. Женское тело стало для Джафара чем-то отвлечённым, вроде спортивного снаряда. Их было слишком много, и в количественном отношении, и в качественном, возможно, именно поэтому постель его была одинока и пуста: он никак не мог сосредоточиться на одной-единственной, глаза разбегались, а руки не поспевали.

Так Джафар схватил и Бану, которая сидела на подоконнике и с лирическим выражением лица наблюдала за Веретеном, чьи движения были так умильны, так неуклюже-грациозны, что она сравнивала его с кувыркающимся толстым котёнком. Поддев одну руку под колени Бану, Джафар обвил её второй рукой за талию и бесцеремонно рванул вверх. Девушка, почувствовав, что теряет сцепление с опорой, вскрикнула и задрогала ногами, но Джафар был непреклонен и полон решимости преподать ей бесплатный частный урок танцев. Байрам заскрежетал зубами от ревности. Веретено, увидев эту картину, бросило

свою партнёршу на произвол судьбы, подскочило к Джафару и Бану и затарахтело, мешая азербайджанский и русский:

– Ай Джафар, бясъди да! [8 - «Бясъди» означает «хватит». Иногда используется в качестве имени для девочки, которая у семейной пары далеко не первая.]! Вот ты на ней потом женишься? Он всем говорит, что женится! – Почему-то Веретено было помешано на браках между учениками своей школы. Должно быть, они позволяли ему ощущать себя доброй феей-крёстной. – Обидишь её – я тебя сам убью!

– Тогда заранее займите место в очереди, – сказала Бану. – Обид я не прощаю.

– Ух, вы посмотрите, какие мы злые! – Веретено ласково улыбнулось. – Уйди вообще, – приказало оно Джафару, и тот с недовольным лицом поплёлся обрабатывать толстую женщину, которую бросило Веретено. Само же Веретено схватило Бану и долго-долго танцевало с ней, мелодично мурлыча что-то себе под нос и периодически поглядывая вниз, на свою партнёршу, лукавым и нежным взглядом. Бану только металась, как щепочка на волнах, попискивала на особо сложных моментах, путала правую ногу с левой и цинично заглядывала ему в декольте. Иногда Веретено так крепко прижимало Бану к себе, что её грудь расплющивалась, и она боялась, как бы оно не почувствовало ритмичное биение её сердца. Музыка смолкла внезапно, и только тогда до Бану дошло: всё время, пока они танцевали, ученики стояли вокруг и жадно смотрели.

Вернувшись с урока, Бану заметила, что запах Веретена вошёл в дом вместе с ней. Она вытащила из сумки кофту, в которой танцевала, и принюхалась к ней. Так и есть, кофта вся пропиталась чарующим ароматом. Бану заснула, уткнувшись в неё лицом.

Из-за этого обонятельные галлюцинации преследовали её потом весь день, заставляя то и дело в панике озираться по сторонам и ворошить волосы. Утром, во время прогулки по бульвару, у Бану постоянно возникало ощущение, что Веретено рядом. Ветер доносил его запах с моря. Размах крыльев чаек напоминал по форме его губы. Бану была бы рада, если бы сейчас её отвлекло от сладких и мучительных воспоминаний хоть что-то.

Перекинувшись через перила, она повисла над белой водой и увидела, что море продолжает уходить. «Если здесь оно убывает, – лениво подумала Бану, –

значит, где-то оно должно прибывать? Кого затопило, интересно?» Она вспомнила, что много лет назад бульвар был затоплен. Деревья погибли, стоя в солёной воде, их чёрные скелеты поднимались из болота, в которое превратился берег, и место это было запущенным и печальным. Теперь всё по-другому. Куда ни кинь взгляд – повсюду густые заросли роз, экзотические растения, изумлённо расправившие листья, не понимающие, как они очутились в незнакомой стране. Но и весёлая зелень (зелёная даже зимой) не радовала Бану. Ей только хотелось знать, куда уходит море и не связано ли это с грядущим концом света.

На танцах мало кто в него верил. Они скорее были склонны верить в своего Учителя. А тот в конец света не верил категорически. Он даже предложил собраться всем в школе и устроить вечеринку.

– Надо будет выйти на улицы и танцевать, – шепнула Бану Лейле. Веретено сидело сзади и, оказываясь, подслушивало.

– Танцевать на улицах? – задумчиво переспросил он. Бану вздрогнула.

– Ну, в пятницу конец света! Кто придёт на занятие?! – завопило Веретено, вскакивая с места и хватая по пути за нос какую-то чрезмерно накрашенную девушку.

– Я, я, я! – закричали со всех сторон. Им нипочём был грядущий апокалипсис, словно какие-то доисторические язычники, словно танцующие яллы[9 - Народный танец.] на скальные фигурки Гобустана, они верили, что танцы спасут их.

Веретено незаметно вытерло испачканные тональным кремом пальцы о штаны и добавило:

– Кстати, пока не забыл. В следующую субботу у нас будет вечеринка! Будем встречать Новый год!!! – Бану, по несчастью, стояла рядом, поэтому чуть не оглохла от его объявления. – Это будет не просто вечеринка, а маскарад, – ему не с первого раза удалось выговорить это слово, – поэтому все должны прийти в костюмах! И в масках! Наступает год Змеи, поэтому тематика э-э-э... костюмов должен быть связан со змеями!!! – Бану бочком вдоль стены отошла подальше. – Цена билетов очень дорогая – десять манат! А для членов нашего клуба – пять! Билеты можно будет приобрести у меня.

И он вернулся к уроку, но в конце, когда все расходились, снова напомнил о вечеринке и вдруг сказал Бану такое, что у неё в мозгу, словно личинка свиного цепня, поселилась глупая надежда, которая будет пожирать её до конца всей этой истории:

– Надеюсь, вы там будете. – Веретено никак не могло определиться, на «вы» он с Бану или на «ты». – По стойке вижу, что будете.

Бану в полубморочном состоянии поплелась в раздевалку и там долго искала и не могла найти свою юбку, всё это время висевшую прямо перед её глазами.

Гюнай с тех пор, как вернулась на сальсу, приобрела привычки, которых раньше у неё не было. Она начала подолгу рассматривать себя в зеркале, особенно по утрам, в те редкие минуты, когда её никто не дёргал за волосы и не требовал выдачи чистых носков. На протяжении всей жизни Гюнай, с самого её рождения, окружающие постоянно говорили ей, что она выглядит старше своих лет. Такая надбавка к возрасту Гюнай нравилась: она считала её признаком своей серьёзности. Быть серьёзной и ответственной – вот в чём Гюнай всегда находила успокоение, какие бы беды с ней ни приключались. Поэтому её не беспокоило, что в свои двадцать четыре года она выглядит слегка на тридцать пять. Лоб Гюнай уже был покрыт морщинами от бесконечных забот о ближних и дальних.

Однажды утром она заметила, что эти морщины, придававшие ей весьма глубокомысленный вид, стали как будто резче. Да и складки появились вокруг губ, хотя она редко улыбалась, чтобы не показаться легкомысленной. Может, это свет так падает? Гюнай схватила зеркальце, подошла к окну и снова внимательно оглядела своё лицо. Так и есть – лишние морщины. Тут она заметила, что стоит перед окном в одной ночной сорочке, а рабочий из новостройки направил на неё приложенные к глазам в виде бинокля руки. Гюнай опустила жалюзи, рассеянно отметив про себя, что некоторые ламели помяты, перекошены, что надо бы их заменить, и вообще, занавески из тюля смотрелись бы гораздо приятнее в сочетании с розовыми ламбрекенами. Словом, она забыла про непонятно откуда появившиеся морщинки. Разве что вечером, когда Гюнай воровато красилась в супружеской спальне, чтобы пойти на сальсу, она положила на лицо чуть более толстый слой штукатурки, чем обычно.

Учитель, обходя женщин, выстроившихся в ряд вдоль стенки в ожидании его приветственного чмока, задержал взгляд на Гюнай, положил ей ладонь на плечо и участливо сказал:

– Ты что-то выглядишь как-то устало.

Гюнай лишь виновато улыбнулась. Она и вправду почувствовала себя усталой после того, как он отошёл, и от слишком громкой музыки у неё разболелась голова. Дома она написала стихотворение:

С тобой увиделись мы вновь!

И сердце разгоняет по венам кровь.

Я думала, что знаю себя,

Но теперь я смотрю в твои глаза

И вижу, что я другая.

И рядом с тобой я на пороге рая.

Но это всё несбыточные мечты,

Потому что уже другую любишь ты.

Потом она заперла тетрадь со стихами в ящик, хотя вероятность того, что, наткнувшись случайно на её стихи, Халил прочёл бы их, стремилась к нулю.

Ночью Гюнай почему-то несколько раз вскакивала и пила воду. Ей казалось, что в квартире слишком жарко натоплено. Все кондиционеры, трудившиеся в полную силу, Гюнай выключила, но всё равно продолжала мучиться от жары и жажды. Она вошла в кухню и распахнула окно. Было новолуние. Морозный воздух ворвался в дом, пригласив с собой уличные звуки – негромкие, потому что квартира находилась на девятом этаже, но отчётливые. Постояв у окна, пока не замёрзла, Гюнай юркнула обратно под одеяло, заснула тревожным чутким сном, и ей снилось, что она снова в школе и должна писать на доске домашнее задание по математике, которого не сделала. Она даже попыталась решить все примеры в уме, но путалась. Написанные ею цифры постоянно менялись, а иногда превращались в какие-то непонятные символы. Словом, Гюнай проснулась совершенно разбитой и сразу поплелась в ванную, чтобы

освежиться. Она чуть не захлебнулась, потому что уснула, умываясь. Отплевавшись, Гюнай посмотрела на себя в зеркало, и во рту у неё стало горько и сухо, а по телу побежали мурашки, как будто её поймали за каким-то непристойным занятием. Онемевшей рукой Гюнай протёрла зеркало, словно надеялась, что его поверхность, непостижимым образом деформировавшаяся за ночь (оно, наверное, поплыло от жары, тупо подумала Гюнай), станет ровной и гладкой. Но картинка в зеркале не изменилась. Гюнай стояла и таращилась на своё обвисшее лицо, густую сетку морщин, набрякшие веки, поредевшие ресницы. Она посмотрела на руки – кисти стали похожи на засохшие опавшие листья платана, на которые очень приятно было наступать ногами в детстве, ведь они издавали такой смачный хруст.

Тут, как назло, проснулся муж. Гюнай едва успела захлопнуть дверь ванной комнаты перед его носом и запереть её.

– Ты там надолго? – уныло поинтересовался Халил, переминаясь с ноги на ногу.

– А ты не стой под дверью! – Голос Гюнай стал визгливым от потрясения.

– С тобой всё нормально? – обеспокоился Халил.

– Да, да!

Но когда Гюнай решила выскочить из ванной, пряча лицо в ладонях, оказалось, что муж всё это время нёс караул за дверью. Гюнай в ужасе замерла, ожидая, что он схватит её за запястья и силой отнимет руки от лица, но Халил вместо этого ворвался в ванную, потому что ему ужасно хотелось в туалет. Истерически засмеявшись, Гюнай побежала дальше. Первой инстинктивной реакцией было схватиться за телефон, что она и сделала. Повертев его в пожухлых руках, Гюнай лишь через несколько минут сообразила позвонить матери. Мать не поняла практически ничего, она решила, что у Гюнай случилась истерика на почве боязни постареть, и это удивило её, ведь дочь всегда так мало волновалась по поводу своего внешнего вида. Тем не менее она тотчас собралась и приехала. К этому времени Халил уже ушёл на работу, так и не заметив, что произошло с его женой. А Гюнай, бегая из угла в угол, вдруг заметила, что жалюзи в спальне покрылись пятнами черной плесени. И она вспомнила, что говорили старики: «Если в дом пришла чёрная плесень, сожги дом со всем содержимым, ни одной вещи с собой не бери, уходи с того места и

не возвращайся».

Двадцать первого декабря, в день конца света, Бану, как всегда, пришла на бульвар, чтобы проверить, на месте ли море. Возле берега царило зловещее оживление, и Бану краем уха услышала что-то про утопленника. На широких ступенях, что спускались к воде, двое мужчин укладывали третьего. Бану никогда раньше не видела труп, поэтому она поспешила туда, чтобы восполнить пробел в житейском образовании. Вокруг мертвеца стояли несколько человек, случайные свидетели. Они, судя по всему, не были знакомы с ним, но кто-то уже обронил словосочетание: «Несчастливая любовь», и все с сочувствием закивали головами. Бану пригляделась к утопленнику: это был совсем молоденький мальчик, лет семнадцати, и его глаза были выедены то ли солёной морской водой, то ли слезами. Мазут покрывал его тело. Бану поразило только это, и она подумала, что даже любовь к Веретену не заставила бы её прыгнуть в такую грязную воду.

Она пошла дальше, туда, где впервые заметила отступление моря, и увидела обезумевших птиц, летавших над обнажённым песком. Толстые наглые вороны ходили по приоткрывшемуся дну, словно всегда были хозяевами на этой территории. Море отступило ещё на полметра, но почему-то никто из людей, что приходили на бульвар каждый день, не заметил этого. Собачники ругались с ненавистниками собак и друг с другом, женщина-йога бежала против ледяного ветра в одной майке, тучные дамочки, пытающиеся похудеть, медленно плелись, глядя себе под ноги. Никто не смотрел на море, а оно медленно, но верно сбегало из города. «Наверное, ему надоело принимать в себя всё наше дерьмо», – злорадно подумала Бану. Скоро она перестала думать о море – Веретено заняло все её мысли.

Он подавал слишком много знаков – и в то же время совсем ничего не происходило. Он постоянно называл Бану «красавица», и она готова была поклясться, что остальным он этого не говорил. Ну то есть говорил. Но всем по одному разу. А ей всегда. А ещё иногда он обращался к ней по-азербайджански, специально дразнил её, потому что был осведомлён о плохом знании Бану государственного языка. «Мян азербайджан дилини пис билир?!»[10 - Я плохо знает азербайджанский язык? (Пер. с азерб.)] — смеясь, спрашивало Веретено. Синтаксически это предложение звучало так же неграмотно, как всё, что он говорил по-русски, но в этом случае он намеренно коверкал грамматику. Бану бесилась из-за того, что он над ней подшучивал, но, с другой стороны, когда он

говорил по-азербайджански, да ещё неграмотно, то окончательно казался Бану человеком из другого мира (каким и был). Их полная социальная и интеллектуальная несовместимость ещё сильнее распяляла её. Бану представляла себе, будто она, единственная выжившая в кораблекрушении, попала на остров в океане, а Веретено – абориген, никогда не видевший в глаза книги и бегущий везде совсем без одежды, примитивный, но притягательный, словно падший ангел.

Бану давно уже забросила роман, который хотела написать. Это мог быть фэнтезийный боевик, основанный на почти реальных событиях и повествующий о борьбе двух группировок, образованных так называемыми Хакерами Сновидений. Ради этого романа Бану записывала все свои сновидения, а их у неё было немало. Но с тех пор, как Веретено впервые пришло к Бану в предрассветный час, она начала встречать его в каждом сне, и все видения приобрели характер, неподходящий для её книги. Она попыталась утолить свою тоску написанием стихов, но почти все они были выброшены, не будучи даже дописанными до конца: любые слова казались Бану беспомощными и ничтожными перед непостижимым очарованием Веретена. В поисках новых слов она бродила по городу. Толпа людей могла настигнуть Бану в любом месте, кроме Ичери Шехер – Старого Города, крепости, узкие улочки которой отдалённо напоминали ей Венецию. К счастью, Бану жила совсем близко от исторического центра города и могла уходить в это вечно прохладное царство тишины когда заблагорассудится. В детстве крепость казалась ей огромной и запутанной, она и представить себе не могла, что сможет остаться там без папы или мамы и не заблудиться навеки. Теперь Бану старше, и лабиринт, которого много раз с тех пор коснулись нечестивые руки алчных застройщиков, оказался совсем не большим, а все намеренные попытки девушки заплутать и потеряться приводили к одному-единственному итогу: она всегда каким-то образом выходила на главную улицу, что вела к Девичьей Башне. Так что Бану пряталась в самом сердце старого города и чувствовала себя как Гамлет в скорлупе ореха. Среди закопчённых стен, увитых проводами, словно плющом, среди искусно вырезанных каменных украшений и лачуг, покрытых отслаивающейся сырой штукатуркой, исписанной чьими-то именами, мысли выравнивались, становились как морская гладь в безветренный день, а тяжёлые и вязкие воспоминания мало-помалу превращались в мечты. Скоро Бану уже знала в лицо всех крепостных кошек, которые сопровождали её, словно inferнальная свита, задрав хвосты и пронзительно мяукая. Внутри крепостных стен тихо шевелилась тайная жизнь, выдававшая себя только запахами кухонь и случайными прохожими. Людей Бану встречала редко, они неожиданно выныривали из-за угла, всякий раз пугая её, и пугались сами. Однажды она действительно испытала серьёзный страх, когда

проходила мимо тёмной подворотни и, заглянув туда из интереса, неожиданно увидела в упор смотрящего на неё из черноты неподвижного человека. Иногда Бану набредала на подростков, которые кучками сидели на перекошенных ступеньках перед подъездами и провожали её любопытно-подозрительными взглядами, потому что здесь она была чужая, и на детей, что путались под ногами со своими старыми сдувшимися мячами.

Когда зима радовала город колючими дождями, Бану прятала голову поглубже в капюшон, надевала резиновые сапоги и с упорством бродила среди потоков воды, которые текли по старинной мостовой, образуя в ямах проточные озёрца. Однажды, возле резного сталактитового портала Дворца Ширваншахов, струи воды на потемневших булыжниках слились в его имя, оно было написано водой так отчётливо, что Бану восприняла это как знак свыше, хотя и не смогла понять, на что именно указывал знак. Она никогда не произносила имя Веретена, его шелковистое имя, которое щекотало язык и нёбо и которым так злоупотребляли все остальные. Его имя казалось Бану неким могущественным заклинанием, которое ни в коем случае нельзя произносить вслух.

Может, она замкнулась бы в своём наваждении, оуклилась бы в этой бессмысленной страсти, но Веретено, подобно чёрной дыре, притягивавшее всё, что имело неосторожность попасть в пределы его горизонта событий, выуживало из неё слова и действия такие, что в другие времена Бану оставалось бы только дивиться своей решительности. Однажды Веретено показывало ей движение – Бану велась плохо, она не привыкла танцевать, повинясь кому-то, даже если этим «кем-то» был мужчина, от чьей близости мурашки бежали по коже, – и Веретено сказало ей:

– Видишь, я тебя тяну, а я не должен тебя с силой вести.

– А так приятно, – ответила Бану. Он немного удивился, а может, только симулировал изумление.

– Приятно должно быть во время другого, – назидательно промолвил он, но под его протокольной миной Бану разглядела отъявленное кокетство, словно луч солнца упал на мутную воду и обнаружил на дне сверкающее золотое кольцо. Бану посмотрела на себя в зеркало: отражение её лица рассекала косая трещина, отчего оно выглядело принадлежавшим двум разным людям, каждый из которых был безумен по-своему. Она провела рукой по стеклу и поняла, что трещина является всего лишь игрой её воображения.

У Фатьмы накопилось слишком много дел. Трогательный маленький свёрточек, содержащий в себе джаду, лежал на застеклённом балконе в плотно прикрытом трёхлитровом баллоне, и все любимые комнатные цветы Фатьмы в радиусе метра от него почернели, скрючились и погибли. Сама Фатьма отнеслась к этому легкомысленно: она была уверена, что ни одно проклятье не пробьёт защиту, данную ей предками. Фатьма помнила свою прабабушку, крепкую женщину с непроницаемым взглядом, от которого окружающим становилось не по себе. Прабабушка была строга со всеми и только в Фатьме почему-то души не чаяла. Сидя в громадном кресле-качалке, которое было таким же старым, как она сама, прабабушка учила возившуюся у её ног Фатьму житейским премудростям. Однажды весной, когда с вершин гор начал сходить снег, она подозвала семилетнюю правнучку к себе и сказала ей:

– Завтра на рассвете я уйду.

– Куда? Можно мне с тобой?

– На небо уйду. Тебе со мной нельзя, ты слишком маленькая.

С тех пор смерть ассоциировалась у Фатьмы с чем-то вроде кино для взрослых. А прабабушка и правда умерла на следующий день в пять утра. Фатьма даже не плакала, наоборот, она недоумевала, отчего проводы любимого человека в такое приятное место столь печальны. Глядя на запеленатый труп, она решила, что сама прабабушка отправилась в путешествие налегке, а её тело доставят попозже в качестве багажа.

В ночь похорон Фатьма проснулась, и ей показалось, что в комнату проникла кошка. Она сидела на комодке и играла чем-то, издающим мелодичный перезвон. Потом Фатьма вспомнила, что на ночь кошку всегда выпускают на улицу, как только становится тепло, она моргнула и увидела, что в комнате кошки больше нет, но к кровати Фатьмы подошла фигура, в которой девочка узнала прабабушку. Покойница присела на край постели, и матрас заметно опустился под её тяжестью. Бабушка Фатьмы, спавшая рядом, так и не проснулась и ничего не заметила.

– Ты решила вернуться? – спросила сонная Фатьма.

– Я пришла сказать, что всегда буду оберегать тебя. Когда тебе будет тяжело, позови меня – я всегда помогу.

– А тебе не тяжело будет бегать вниз-вверх? – озаботилась Фатьма. Прабабушка рассмеялась:

– Нет, не тяжело. – Наклонившись, она поцеловала правнучку и ушла, на этот раз уже окончательно. А девочка оказалась настолько благоразумна, что никому не рассказала о ночном визите, ни тогда, ни когда-либо потом.

Фатьме было поручено уладить одно неприятное дело. Знакомые её знакомых женили сына и настояли на присутствии женщины – енгя, которая должна была проследить за тем, чтобы в брачную ночь всё произошло как надо, жених оказался бы дееспособным, а невеста – непорочной. Енгя пришла – усатая толстая женщина, которую трудно было заподозрить в наличии богатой интимной жизни, но которая тем не менее проявила такой энтузиазм в исполнении своих обязанностей, что жених увял, не успев расцвести, а невеста впала в истерику. Отец жениха набросился на женщину с кулаками, но енгя в долгу не осталась. Скандал продолжался до самого утра, после чего объединённое семейство собралось на совет, где должна была решиться дальнейшая судьба молодожёнов. Тут тётя жениха, сидевшего в уголке с лицом зелёным, как неспелая алыча, вспомнила о Фатьме, слава которой в определённых кругах разнеслась далеко за пределы Баку. Пришлось Фатьме собраться и поехать на автобусе в холодный северный район прямо посреди зимы. Ни одна женщина, кроме неё, не отважилась бы отправиться в другой город на общественном транспорте, тем более без сопровождения. Но Фатьме были нипочём странные перекошенные лица её попутчиков. С невозмутимым достоинством она уселась в самом конце автобуса, на места, традиционно занимаемые мужчинами, и поставила маленькую дорожную сумку к себе на колени. Всю дорогу она неотрывно смотрела в окно, на присыпанные снегом холмы, на маленькие селения, окутанные дымом, поднимающимся от мангалов, на которых без усталости готовили кебаб для проезжающих путников. Изредка по обочине дороги брела печальная тощая лошадь с укутанным всадником, но большей частью трасса была пустынна. Только скромные плиты – памятники жертвам автокатастроф, которые часто случались на трассе, и гвоздики, истлевшие под снегом. Иногда встречались целые островки таких символических надгробий, и в этих местах Фатьма, уносимая автобусом, успевала почувствовать сгустки тёмной энергии, стлавшейся здесь, подобно туману. Фатьму не заботило предстоящее ей дело: таких случаев в её практике

было немало, и у неё уже выработалась последовательность действий. Она думала о своей покойной племяннице, которая, как Фатьма ни звала её, так и не явилась ни во сне, ни наяву.

– О, хвала Аллаху, ты здесь! – вскрикнула тётя жениха, увидев Фатьму, изящно выпрыгивающую из автобуса. Оставшиеся внутри мужчины все, как один, с нежной тоской глядели ей вслед. Фатьма оделась очень легко, несмотря на царивший в предгорьях мороз, она даже не надела шапки, потому что ей, сколько она себя помнила, всегда было жарко и она никогда не болела.

– Как поживаешь? Как родители? Здоров ли дедушка? – из вежливости поинтересовалась Фатьма, хотя и так знала, что всё благополучно.

– Какое уж тут здоровье? – запричитала женщина. – Вся семья опозорена!

– Ну-ну, – рассеянно попыталась утешить её Фатьма. – Нет, сумку я сама понесу, ты что, она лёгкая! Тут нет никакого позора. Так со всеми иногда бывает.

– В нашей семье такого не было, – отрезала женщина, не оставляя при этом попыток забрать у Фатьмы сумку.

Они прокладывали себе путь по заметённой снегом дороге. «Какое странное время для свадьбы, – подумала Фатьма, – у молодых, наверное, тяжёлое, как грехи их предков, одеяло, набитое шерстью, под которым так приятно спрятаться вдвоём». Она вздохнула, вспомнив свой первый и единственный несостоявшийся роман, когда всё должно было вот-вот случиться, но горелюбников поймали отец и мать Фатьмы, и больше она своего ненаглядного не видела, потому что он был русским, и семья Фатьмы не могла допустить их брака, на котором он, собственно, и не настаивал.

Фатьма готова была даже совершить побег из дома, если бы он позвал, но он так и не позвал. Она прождала дни, недели, месяцы, запершись в подвале и ни с кем не разговаривая. Когда прошло полгода, она заговорила, но не сказала родителям ни слова правды с тех пор.

Рёв мотора прервал тягучий поток воспоминаний.

– Вот и дедушка. – Знакомая Фатьмы посмотрела на дорогу, по которой катился, выпуская клубы вонючего чёрного дыма, старый автомобиль. За рулём сидел древний, как реликтовые леса Ленкорани, дед и курил.

– Фатьма, ай Фатьма, как ты выросла! – крикнул он и выронил сигарету в снег. Впрочем, его это не смутило, он тут же достал новую.

– Конечно, выросла, – сварливо ответила за Фатьму женщина. – Когда ты её видел в последний раз, ей было десять лет.

– А сколько сейчас? Садитесь быстрее, бензин замерзает. Ай, Фатьма! В нехорошее время ты приехала, у нас тут такое происходит. Кто там женился?

– Мой племянник! Она поэтому и приехала.

Дед живо обернулся, продолжая ехать и не сбавляя скорости, и внимательно оглядел Фатьму.

– Эге, вы думаете, что её лучше подсунуть жениху вместо той костлявой девочки? Да, да... хорошо как придумали...

– Ты что болтаешь?! – возмутилась женщина и шёпотом прибавила: – Он немного выжил из ума. Сама понимаешь, девяносто два года.

Фатьма с польщённым видом взбила волосы, чтобы они казались ещё пышней.

Ей хотелось поскорее отделаться от этих несчастных жертв неуёмного любопытства енги и вернуться к расследованию смерти Афсаны, поэтому она не позволила хозяевам слишком долго отпаивать себя чаем с халвой, а сразу потребовала к себе сначала жениха. «Я дам ему особое снадобье, он станет сильным, как бык», – сказала Фатьма. Никакого снадобья, разумеется, давать ему она не собиралась. Вместо этого она завела его в маленькую комнатку и долго там что-то втолковывала, загипнотизировав парня пронзительным взглядом своих больших глаз. После этой беседы он вышел из комнатки с горящим взором и алыми щеками, а Фатьма позвала невесту. С девушкой разговор был гораздо короче, и, когда её выпустили, они с женихом ринулись в спальню так, что за ними едва успели закрыть дверь. Через пару часов Фатьма

лично продемонстрировала всем желающим простыню, свидетельство того, что всё благополучно разрешилось, к удовольствию обеих сторон. Вся улица провожала Фатьму до автобусной остановки, как будто она была полководцем, освободившим город от вторжения захватчиков. Ей насильно впихнули две сумки гостинцев, потому что брать деньги она наотрез отказалась.

- Что ты там с ними сделала? - спросила женщина, пригласившая Фатьму и поэтому разделившая с ней часть триумфа.

- О, я всего лишь рассказала им про любовь, - пожала плечами Фатьма и скрылась в душной утробе автобуса.

А молодожёны через девять месяцев стали родителями истощенно орущей тройни.

Конец света так и не наступил. Быть может, кто-то в городе сидел дома с зажжёнными свечами и трясся, молясь своему апатичному богу. А клуб сальсы танцевал, готовясь к чемпионату города, назначенному на март, и молились все исключительно на Учителя. Сам же он с мягкостью капроновой удавки предлагал лучшим танцорам выступить, о нет, не во славу его, но ради школы.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Обезьяна (пер. с азерб.).

2

«Ханым» означает «госпожа» и является универсальным вежливым обращением к лицам женского пола (прим. авт.).

3

Страшное слово. Универсальная угроза для, например, соседки, с которой у вас произошёл скандал. Обозначает разного рода порчи и проклятия (прим. авт.).

4

Дословно – серая голова. На самом деле – суп (прим. авт.).

5

Базилик.

6

Бедный мужик (пер. с азерб.).

7

Дождевой червяк (пер. с азерб.).

8

«Бясьди» означает «хватит». Иногда используется в качестве имени для девочки, которая у семейной пары далеко не первая.

9

Народный танец.

10

Я плохо знает азербайджанский язык? (Пер. с азерб.)

Купить: https://telnovel.com/shafieva_shirin/sal-sa-vereteno-i-nol-po-grinvichu

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)